

Лауреат
Национальной
книжной
премии США

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

Берега

Роман о семействе
Дюморье

НА · ВПЕРВЫЕ ·
РУССКОМ ·

PREMIUM

Азбука Premium

Дафна Дюморье

**Берега. Роман о
семействе Дюморье**

«Азбука-Аттикус»

1937

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Дюморье Д.

Берега. Роман о семействе Дюморье / Д. Дюморье — «Азбука-Аттикус», 1937 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-11937-6

Романизированную историю своей семьи Дафна Дюморье опубликовала в 1937 году, в возрасте тридцати лет. До того она успела написать биографию отца, английского актера и антрепренера Джеральда Дюморье, и четыре романа. Писательница стояла на пороге славы: уже вышел роман «Трактир „Ямайка“», а всего через год будет издана «Ребекка», ее главный мировой бестселлер. Погружаясь в атмосферу Европы девятнадцатого столетия, писательница воссоздает жизнь своих англо-французских предков – от прапрабабки, любовницы герцога Йоркского, до деда, знаменитого романиста и художника Джорджа Дюморье. «В истории полно бурных событий и грозных ударов судьбы – тут пропавший муж, там скандал и судебное разбирательство, – но все они поданы в форме романтической комедии и невероятно занимательны», как сказано в предисловии к английскому изданию. Дафна Дюморье всегда с азартом исследовала характеры и судьбы людей, таинственные нити, которыми настоящее связано с прошлым, неизменно обнаруживая «призраки повсюду – не бледные фантомы, гремящие цепями через вечность... скрипящие половицами в пустых домах, а веселые тени былого»... Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-11937-6

© Дюморье Д., 1937
© Азбука-Аттикус, 1937

Содержание

Часть первая	7
1	7
2	11
3	16
Часть вторая	20
4	20
5	28
6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дафна Дюморье

Берега. Роман о семействе Дюморье

Daphne du Maurier
THE DU MAURIERS

© А. Глебовская, перевод, 2016

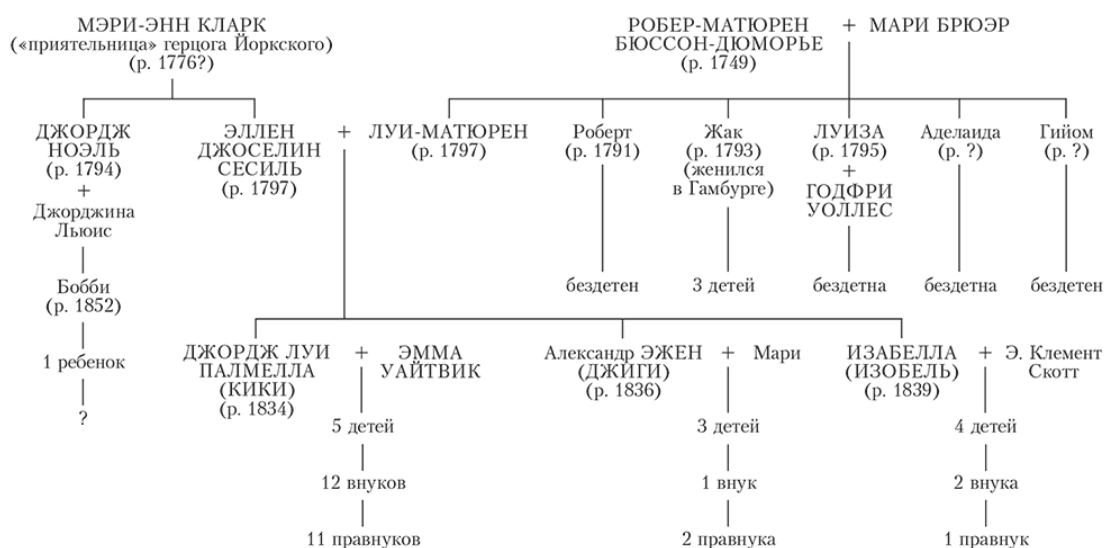
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016 Издательство АЗБУКА®

* * *

Всем ныне здравствующим потомкам Луи-Матюрена Бюссона-Дюморье и его жены Эллен Джоселин Кларк (их, по моим сведениям, тридцать один человек) посвящаю, с искренней приязнью, этот очерк семейной истории.

Дафна Дюморье
Октябрь 1936 г.

ФАМИЛЬНОЕ ДРЕВО СЕМЕЙСТВА ДЮМОРЬЕ

У Эллен Джоселин и Луи-Матюрена 31 ныне здравствующий потомок

Часть первая

1

Лолодным днем весны 1810 года щуплая двенадцатилетняя девочка с бесцветным лицом прижималась носом к оконному стеклу в одной из комнат величественного особняка на Вестбурн-плейс. Находилась она в спальне для прислуги, поскольку из остальных комнат вынесли всю мебель и странные люди, которых она никогда раньше не видела, шныряли по двум гостиным, указывали на столы и стулья, ощупывали грубыми, грязными руками позолоченные ножки кушетки из будуара, придирчиво водили пальцами по богато расшитым портьерам. Она следила за ними с самого утра, на нее же никто не обращал внимания; никто не мешал бродить по комнатам и коридорам, смотреть, как суровый джентльмен в темном сюртуке привязывает бирки с номерами к стульям из столовой. В какой-то момент джентльмен ушел, но через несколько минут вернулся с двумя рабочими – в фартуках, с рукавами, закатанными до локтя. Джентльмен распорядился, чтобы рабочие вынесли стулья.

С исчезновением стульев вид у комнаты сделался странно непривычным. Потом пришел еще какой-то человек: он разложил все лучшие вещицы из стекла и фарфора на боковой консоли, расставил так, как ему казалось красивее, а после перенес столик в гостиную и поставил у стены. Стулья были составлены спинка к спинке в длинный ряд, картины же сняли с крючков и сложили стопкой на полу.

Девочку больно ранило бездушное отношение всех этих людей к материнским вещам. Ей уже некоторое время назад объяснили, что дом на Вестбурн-плейс будет продан, а они с мамой переедут в другое место, но ей и в голову не приходило, что у них отнимут столы и стулья, стекло и фарфор и даже тарелки, с которых они привыкли есть. Незнакомые руки прикасались к знакомым вещам, ощупывали их одну за другой, и вот наконец образовалась печальная процессия, словно череда скорбящих на похоронах: из дома один за другим выносили крошечные трупы, которые не знали слов прощания. Когда с привычного места над лестницей сняли позолоченные часы, девочка не выдержала, отвернулась и со слезами на глазах забралась наверх, в спальню для слуг под самой крышей.

Сколько одиноких вечеров скрасили ей эти старинные часы! Каждые пятнадцать минут они вызванивали нежную мелодию, которую она слушала, лежа в постели без сна, – и часам всякий раз удавалось ее утешить. А теперь она их больше не услышит. Скорее всего, часы окажутся у людей, которым не будет до них решительно никакого дела, которые не станут смахивать пыль с улыбочивого циферблата, а колокольчики заржавеют и станут фальшивить. Стоя на коленях, прижав нос и подбородок к стеклу, девочка впервые в жизни ощутила легкую досаду на мать, которая все это позволила.

Мир девочки утратил уютное постоянство еще в прошлом году, когда повседневная жизнь, про которую каждый ребенок думает, что такой она будет всегда, внезапно переменилась. Она больше не ездила каждое утро в фаэтоне рядом с мамой по Гайд-парку в ряду других экипажей, они больше не наведывались в Ричмонд и не пили там портер с лордом Фолкстоном, который, бывало, измерял ее наездничьим хлыстом – подросла или нет. И пока мама ее смеялась, болтала, дразнила лорда Фолкстона и в своей неподражаемой манере шептала ему, прикрыв рот ладошкой, непонятные слова, от которых он покатывался со смеху, маленькая Эллен сидела тихо, точно мышка, надувшаяся на крупу, и наблюдала эту игру со странным, врожденным чувством неодобрения. Если взрослые вот так проводят время, то она не хочет иметь с ними ничего общего; сама она предпочитала книги и музыку и жадно впитывала знания, которые мать полагала откровенно лишними для дочери, еще не достигшей тринадцати лет.

– Полюбуйтесь, – говорила она подругам, слегка поводя плечами, с тенью притворного отчаяния в глазах, – мои дети меня уже переросли. Это просто жуть какая-то. Я по их меркам слишком молода. Они считают меня легкомысленной вертихвосткой. Мастер Джордж шлет мне из своей школы нотации, точно дряхлый профессор, а Эллен благопристойно складывает ручки и интересуется: «А можно мне, мадам, кроме французского, изучать еще и итальянский?»

Все начинали хохотать над Эллен, и девочка вспыхивала от смущения; впрочем, про нее скоро опять забывали.

И все равно кататься по Парку и ездить в Ричмонд было приятно – вокруг столько всего интересного, столько всяких людей; по всей видимости, уже в десять-двенадцать лет Эллен увлекалась изучением человеческой природы.

Она была развита не по годам, поскольку почти никогда не бывала в обществе других детей. Джордж, ее единственный брат и ее идол, рано уехал в пансион и теперь так был занят своими товарищами, лошадьми (он учился верховой езде) и разговорами о будущей военной карьере, что младшую сестру выслушивал с плохо скрытым нетерпением.

Эллен оказалась предоставлена самой себе. Спутниками ее стали книги и ноты – когда у матери хватало денег оплачивать уроки музыки. Дочь должна понимать, внушала ей мама, что, если жить в такой элегантной обстановке, с таким столом, да еще держать выезд, на всякие глупости, вроде уроков музыки и итальянского, ничего не остается.

– Хотя посмотрим, может, удастся это устроить, – говорила мама туманно, помахивая рукой, и улыбалась своей изумительной улыбкой, которая красноречиво свидетельствовала о том, что мысли ее заняты чем-то другим; потом она дергала колокольчик, призывая служанку, чтобы обсудить меню вечернего приема.

Какое это было великолепие – какое изобилие фруктов, сладостей и вина, какое сверкание посуды на столе, какие белоснежные накрахмаленные скатерти и салфетки! Казалось бы, можно и не тратить фунт-другой на лишнюю ветку винограда, глядишь, и на педагогов хватило бы. Но такова уж детская природа: Эллен воспринимала сложившийся порядок вещей как данность и под конец дня вслушивалась, сидя одна в своей комнате, в шум праздника внизу, в особый, какой-то попугайский звук, визгливый и надсадный, – так искажаются человеческие голоса, когда собираются вместе мужчины и женщины.

Таков был ее дом, и она была им довольна, потому что не знала иного, потому что этот показной блеск был вокруг всегда, сколько она могла упомнить. Сезон-другой в Веймуте и Брайтоне, потом Лондон – Парк-лейн, Глостер-плейс, Бедфорд-плейс, Вестбурн-плейс, череда особняков, один, другой, третий; блеск, развлечения, все напоказ. Мать то и дело появлялась с новым кольцом на безымянном пальце, довольная, как котенок, нашедший клубок, смеялась через плечо одетому в алый мундир офицеру со щенячьим лицом, который шел за ней следом, а его неповоротливый ум то и дело спотыкался, пытаясь угнаться за ее стремительной мыслью.

– Это моя дочурка, капитан Веннинг, моя маленькая Эллен, вон она какая серьезная и скромная, не то что ее ветреница-матушка!

Трель смеха – и мать уходила в гостиную, но прежде успевала подать дочке глазами сигнал, что та может бежать к себе наверх. Эллен, поджав губы, тихо поднималась по лестнице, ловила свое отражение в высоком зеркале и чуть медлила, разглядывая его и пытаясь осмыслить материнские слова.

Она силилась понять, действительно ли это так важно, что ты родилась некрасивой. Абрис ее лица был худым и угловатым, ничего похожего на круглые щеки и мягкий подбородок матери. Ее собственный подбородок заметно выпирал, а крупный нос нависал над узкими губами, добавляя к серьезности суровость, – вот уж воистину немецкий шелкунчик, говорила про себя девочка; она проводила пальцами по высокой переносице, думая про очаровательный вздернутый носик – одну из самых привлекательных материнских черт. Волосы и глаза у них

были одного цвета, мягкого, теплого, шоколадного, – но на этом сходство и заканчивалось; у девочки глаза были глубоко посаженные, тусклые, а курчавые волосы никак не хотели укладываться в локоны.

У матери же глаза менялись со сменой настроения. То они сверкали радостью, яркие и ясные, будто повернутый к свету ограненный кусочек янтаря, то затуманивались и увлажнялись и тогда делались еще привлекательнее, становясь очаровательно-незрячими, какие бывают только у близоруких.

Волосы ее, уложенные по последней моде, мягкими завитками обрамляли лоб: уши открыты, колонноподобная шея обнажена, белая, несокрытая, мягко переходящая в великолепные плечи. Рука Эллен скользнула от носа к бледным впалым щекам, а оттуда на ее собственные узкие сутулые плечи – настолько сутулые, что однажды служанка под горячую руку обозвала ее горбуньей. Девочка запомнила это, и сейчас воспоминание некстати мелькнуло в голове. Но она, передернув этими самыми непрезентабельными плечами, отвернулась от зеркала и пошла к себе в комнату; снизу, из гостиной, долетела стремительная, напористая речь ее матери...

Дни эти миновали. Уже почти год не было в доме никаких приемов. Не появлялись офицеры в ослепительных мундирах; даже лорд Фолкстон перебрался за границу, и, разумеется, его королевское высочество, который так часто бывал у них на Парк-лейн, тоже не показывался – уже года четыре. Эллен его почти забыла. В дом зачастили люди иного толка – торговцы; она сразу узнавала их: все одеты в черное, будто на воскресную службу, и когда мама отказывалась их принять, они грубо рывкали на слугу, будто в том была его вина.

Однажды у входной двери их собралась целая толпа, они протолкались внутрь и заставили маму впустить их к себе. У нее они пробыли недолго. Мама молча, словно бы недоверчиво покачивая головой, выслушала все их претензии, дала им выговориться, а потом, когда главный заговорила, обойщик с Лэм-стрит (из дома неподалеку), наконец перевел дух, полагая, что она стала как шелковая, вылила на них ушат отборной площадной брани, весьма изобретательно подбирая слова; это привело обойщика и его спутников в такое смятение, что ответить им оказалось нечем.

Они таращились на нее, открыв рот, и еще до того, как опомнились, она царственным жестом велела им удалиться и осталась победителем на поле брани – с пылающими щеками и блеском в глазах.

После этого потянулись долгие дни и недели неопределенности; мамы почти никогда не было дома, а если она и появлялась, времени на Эллен у нее не находилось; она ограничивалась торопливым объятием и словами: «Беги к слугам, дочурка; у меня ни минутки свободной» – и тут же запиралась с каким-нибудь странным посетителем; они часами беседовали в будуаре, тихий ручеек их голосов все журчал и журчал. В доме воцарилась тягостная атмосфера, которая ребенку, привыкшему к размеренному течению жизни, казалась зловещей и тревожной; девочке очень хотелось, чтобы ей все объяснили, но объяснений никто не давал. Если она забредала в кухню, слуги при ее приближении немедленно умолкали, а глупый лакей хихикал исподтишка, засовывая в карман штанов какую-то книжонку. Джордж на пасхальные каникулы остался в школе, домой не приехал. Эллен написала ему письмо, но ответа не получила. Девочку мучили страхи – вдруг брат заболел, вдруг они больше никогда не увидятся. Мать в ответ на ее настойчивые расспросы отделялась неопределенностями. Однажды утром, уже собираясь уходить, она увидела, что Эллен нависла над ней будто тень.

– Оставь это, дитя мое, – сказала она нетерпеливо, – не надо мне надоедать. Я тебе уже сто раз говорила, что с твоим братом все в порядке.

– Почему же он не приехал домой? – спросила Эллен и плотно сжала тонкие губы.

– Потому что сейчас ему лучше не приезжать, – последовал ответ.

– Но в чем причина всех этих перемен? Я уже достаточно взрослая, чтобы понять. Я не ребенок, не нужно утешать меня сказками. Слуги шушукуются по углам. На улице люди останавливаются и разглядывают наш дом. Вчера, когда я выглянула в окно, какие-то мальчишки бросили в меня камень. Вон, сама видишь, там рама треснула. Почему, когда я пошла погулять на площадь, меня преследовали, на меня показывали пальцами, точно на обезьяну в клетке, почему какой-то незнакомый джентльмен подмигнул своему приятелю, остановил меня на ступенях и сказал: «Так кто ваш отец, барышня, мусорщик или министр?»

В ее словах была неподдельная страсть – глаза сверкали, личико побледнело и напряглось.

Мать взглянула на нее в нерешительности – рука поигрывала лайковой перчаткой; вопросы, заданные двенадцатилетней девочкой, на миг лишили ее самообладания.

– Послушай, Эллен, – сказала она торопливо, – у твоей мамы есть враги; почему именно – не важно. Эти люди хотят, чтобы нас, как собак, вышвырнули на улицу без единого пенни. Им угодно, чтобы я приползла к ним вымаливать кусок хлеба, чтобы я скатилась в самый низ. Когда-то они не брезговали садиться за мой стол, но теперь дело другое. Мне придется сражаться с ними за наше будущее – твое, мое и Джорджа. У меня нет ни друзей, ни денег. Осталась одна смекалка. Она и раньше меня выручала, выручит и на сей раз. Что бы ни было дальше, сколько бы меня ни поливали грязью, запомни одно: я все это делаю ради тебя, ради вас с Джорджем, а прочие все пусть катятся в преисподнюю!

Она помедлила и вроде бы хотела добавить еще что-то; но, передумав, положила палец девочке на щеку, улыбнулась мимолетной улыбкой и исчезла, оставив в комнате легкий шлейф духов, который был ее неотъемлемой частью. На паркете валялся разорванный надвое листок бумаги. Видимо, она случайно его обронила. Эллен нагнулась поднять листок и положить в корзину для мусора. Она увидела, что это пасквиль – вульгарный, неряшливый; видимо, листками приторговывал какой-то газетчик. Мать разорвала его пополам, но Эллен смогла прочитывать четыре последние строки, скалившиеся на нее в гнусной ухмылке:

Я миссис Кларк хотел воспеть в стихах,
Но сбились рифмы – будет впредь наука!
И перепутал я слова впотьмах,
Переменив местами «Кларк» и «сука».

Девочка отшвырнула листок, чтобы не смотреть на эту мерзость, стремительно шагнула к двери, но увидела там лакея, его глупую, пустую физиономию, вернулась обратно, встала у корзины с бумажным мусором на колени, вытащила оттуда все содержимое и принялась рвать на мелкие клочки.

2

Целый год минул с тех пор, как Эллен Кларк обнаружила пасквиль, порочивший ее мать. За истекшие двенадцать месяцев в руки ей попали и другие. Старые выпуски «Газетт», которые оставляли раскрытыми слуги, четким черным шрифтом раскрывали перед ней доселе неведомые тайны. Любящая и чуткая, она, наверное, бросилась бы защищать свою маму от мира, который поливал ее грязью, но она была всего лишь ребенком, беспомощным и смешным в своем порыве, запертым на верхнем этаже дома, будто птичка в клетке. Разразился громкий судебный процесс – так она поняла, – где мать ее выступала главным свидетелем обвинения против его королевского высочества герцога Йоркского, который еще несколько лет назад был их самым душевным другом. В чем именно его обвиняли, Эллен не знала, однако после суда от матери все отвернулись. Доходя до ее ушей, непристойные сплетни оборачивались ядом. Ей было всего двенадцать лет, а она уже успела узнать обо всех низостях и подлостях мира. А кроме того, к ней постепенно пришло понимание, как они жили до того.

Намеки, случайные слова, памфлет, просунутый под дверь, бормотание служанок за ширмой, цепочки собственных ее отрывочных воспоминаний, уходящих в самое младенчество, складывались в целое, от которого не отмахнешься. Она вспомнила, что они никогда не жили подолгу в одном доме, что круг материнских друзей неизменно менялся со сменой жилья. В памяти всплывали обрывки полузабытых сцен. Она видела себя младенцем, едва научившимся ходить, а рядом – Джорджа, несколькими годами старше: как они вглядываются через решетку в грязь на мостовой Флэск-уок в Хампстед, как уезжают оттуда прямо посреди ночи в Уортинг, в гости к сэру Чарльзу Милнеру и сэр Чарльз дарит Джорджу щенка-спаниеля, а ей – фарфоровую куколку. Потом несколько пробелов в памяти, сэр Чарльз забыт, и вот они уже живут в огромном доме на Тависток-плейс, и к ним каждый день навещается джентльмен по имени дядя Гарри. Однажды мама, судя по всему, с ним повздорила, потому что Эллен услышала, как он кричит на нее в гостиной; заглянув в дверную щель, девочка увидела маму, милую, безмятежную, – она слушала, подперев подбородок рукой, и зевала ему прямо в лицо, будто бы от скуки.

С Тависток-плейс они съехали неделю спустя и провели все лето в Брайтоне, где Эллен и Джордж катались в повозке, запряженной двумя серыми пони. Следующую зиму они прожили в прекрасном доме на Парк-лейн, мама по четыре раза в неделю устраивала званые ужины. Эллен помнила, как за руку с Джорджем спускалась в гостиную и заставляла там его высочество – он стоял на ковре перед камином. Ей он тогда казался великаном – огромное багрово-красное лицо, глаза навывкате; он наклонялся и забрасывал их себе на плечи.

– Итак, ты собираешься стать военным, да? – сказал он как-то Джорджу, потянув его за ухо. – Поедешь во Францию воевать с Бони?¹ Что ж, быть тебе военным!

Он расхохотался, повернувшись к маме, вытащил огромный носовой платок и соорудил для Эллен зайца с ушами.

В последующие три года его высочество навещался к ним ежевечерне (когда был в городе), он лично выбрал для Джорджа школу и купил ему еще одного пони. Закрыв глаза, Эллен представляла его себе как живого – как он вышагивает по дому, трубно призывая ее мать, покачивая выпуклым животом, большим и указательным пальцем засовывая табак в левую ноздрю крупного носа. И вот герцог впал в немилость – потому что мать Эллен выступила против него на суде.

– Все, что я делаю, я делаю ради вас с Джорджем, – сказала она как-то.

¹ Презрительное прозвище Наполеона Бонапарта.

Чувствуя укол стыда за такое отношение к собственной матери, Эллен гадала: а есть ли хоть один человек, который действительно ее знает и может понять, что скрыто в этих переменчивых карих глазах? В ноябре того же года уличные мальчишки сожгли ее чучело вместо чучела Гая Фокса². Через окно спальни Эллен было слышно, как они распевают на углу улицы:

Мэри-Энн посветит мне,
Жарим шлюшку на огне!

Потом они еще долго бегали в ночном тумане с пылающими факелами и таскали туда-сюда крупную брюкву в кружевном чепце с розовой лентой, криво посаженную на палку.

И вот опять настала весна, скверные воспоминания вроде бы остались в прошлом, но бывшее течение жизни оказалось нарушено, возврата к прежнему никто и не мыслил. Прижавшись носом к стеклу, Эллен смотрела, как к дверям подъезжает карета и из нее выходят мама и мамин друг лорд Чичестер. Видимо, они приехали проследить, как идет продажа мебели. Девочке ужасно захотелось осмотреть, как поведет себя мать. Она снова прокралась вниз, в парадные комнаты, и обнаружила, что назойливые незнакомцы куда-то исчезли, полы и стены оголились, а в центре опустевшей комнаты стоят ее мама и лорд Чичестер, обсуждая цены с кислотиным клерком.

– Сто четыре гинеи за гарнитур из гостиной! – восклицала мама. – Да вы послушайте, эти стулья стоили пятьдесят фунтов каждый!

– Да, но вы же за них не платили, – сухо вставил его светлость.

– Это к делу не относится. Софа из моего будуара – сорок девять гиней... Возмутительно, им все достается по дешевке! Я за эту софу каких-нибудь четыре года назад отдала девяносто, а теперь они швыряют мне в лицо всего полсотни!

– Достойная цена за вещь в таком состоянии, мадам, – вмешался клерк. – Обшивка изношена и вся в пятнах, на ножке трещина.

– Да уж, софа потрудились на совесть, – пробормотал лорд Чичестер.

Она посмотрела на него, подперев щеку языком; ресницы подрагивали.

– За такие труды покупатель мог бы дать двойную цену, – сказала она. – Бокал вина, немного воображения, полусвет в комнате... Милый мой Чичестер, вот вы бы сами и купили эту софу! Она могла бы разжечь пламя, которое нынче в вас почти угасло.

– Мы все не молодеем, Мэри-Энн.

– Вот именно. Поэтому софа бы вам весьма пригодилась. Сто восемнадцать гиней за мои бокалы. Неплохо. Лучшие я все равно оставила себе. Пятьдесят фунтов за часы с серебряными колокольчиками! Как часто они возвращали меня к реальности – вот только всякий раз слишком поздно! Их мне как раз не жалко; своим боем они вечно лезли не в свое дело. Пять гиней за миниатюрный портрет герцога! Пять жалких монет, большего он и не стоит... Так, Эллен, а что это ты делаешь у дверей? Этот ребенок с каждым днем все больше становится похож на гнома.

– Сколько тебе лет, Эллен? – спросил лорд Чичестер.

– И восьми нет, – ответила мать.

– Двенадцать с половиной, – ответила девочка.

Его светлость рассмеялся.

– Собственную дочь не одурачишь, Мэри-Энн, – сказал он, вспоминая выражения, которыми она пользовалась на суде. «Мои крошки, – твердила она, – моя дочурка, едва вышедшая из колыбели...» Он вновь увидел жалостное подрагивание ее губ, слезы на ресницах, движение

² В ночь на 5 ноября в Великобритании празднуют годовщину провала Порохового заговора 1605 г. – попытки католиков-заговорщиков устроить взрыв в здании парламента во время тронной речи короля Якова I. В эту ночь по всей стране устраивают фейерверки и костры, на которых сжигают чучело самого известного из заговорщиков – английского дворянина Гая Фокса.

прелестных плеч, выражающее полную беспомощность. Какой замечательной актрисой была эта женщина и сколь начисто она была лишена порядочности! За деньги готова продать лучшего друга, да и собственную душу тоже; а вот детей не бросила. Впрочем, и лисица не бросит своих детенышей в норе... Будущее мальчика обеспечено – об этом она позаботилась; плату за его обучение будут исправно вносить, должность в пехотном полку оплачена наперед. Что касается девочки, после смерти матери она будет получать ежегодную ренту. Лорд Чичестер подумал, как она ею распорядится: с такими угловатыми чертами и сутулой спиной вряд ли она сможет пойти по стопам Мэри-Энн. Нет в ней пока никакого обаяния, нет материнской природной миловидности – бесстыдной, дразнящей, особенно притягательной в силу дурного воспитания.

Впрочем, Мэри-Энн, в своем дерзком бесстыдстве, с ее отношением к жизни как у уличного мальчишки, мошенника и пройдохи, совсем неплохо устроилась после расставания с герцогом, хотя и прикидывается нищей. Уж Фолкстон о ней позаботился. Да в придачу выплатил ее долги. В этом, кстати, и состояла главная ее беда: деньги так и утекали сквозь пальцы. Придется ей подсократить расходы, если она рассчитывает прожить на герцогские отступные. Для нее тысяча фунтов – ничтожная сумма.

Он прошел вслед за нею в опустошенный будуар – на стенах темные пятна в тех местах, где висели картины. Комната выглядела угрюмой, неприбранной; коробки, в которые она начала упаковывать вещи, штабелями стояли на полу. На одноногой табуретке притулился ларчик с драгоценностями, наполовину прикрытый вышитой шалью, тут и там валялись бусинки, осыпавшиеся с шелковинки, книга-другая, миниатюра, листок с нотами; а посреди всего этого пыхтела – жирную складчатую шею обвивал золотой ошейник – нелепая болонка, напоминающая перекормленную игрушку, которая затыкала, плюясь, при их приближении. В комнате пахло псиной и застоявшимися духами. Окна были плотно закрыты. Лорд Чичестер приподнял бровь и поднес к носу батистовый платок. Комната выдала свою владелицу с головой, и, сухо улыбнувшись, он невольно представил себе, из какого убожества она выбилась в люди: неуютные съемные квартиры ее юности, неряшество и грязь; вечно неубранные постели; на немой тарелке недоеденный завтрак, а с улицы доносятся визгливые вопли пьяного отца. Он увидел, какова Мэри-Энн была в свои двенадцать лет – столько вот сейчас этому микробу – пышногрудая, бесстыдная, кудрявая, не по годам развязная. Красногубая, сметливая, она искоса следила за мужчинами, подмечая их глупость; всецело осознавая свой нагловатый шарм, она с расчетливым безрассудством ступила на жизненный путь, который сама себе выбрала.

Теперь об этих ранних годах из нее и слова не вытянешь. Кажется, она была актрисой и проституткой; а еще – женой: в семнадцать вышла за какого-то несчастного лавочника из Хокстона (такие, по крайней мере, ходили слухи); но в нынешнем своем положении отставной любовницы герцога Йоркского она предпочитала не заглядывать в собственное прошлое.

Лорд Чичестер снова улыбнулся, припоминив ее острый язычок, – такая за словом в карман не полезет; на процессе весь зал покатился со смеху, когда она отбрила многомудрого судью. Пока она поигрывала драгоценностями в собственном будуаре и ласкала раскормленную собачонку, лорд Чичестер, сузив глаза, вновь вызвал в памяти ее образ на свидетельском месте – видение в шелковом синем платье: она оделась будто для званого вечера, на голове белая вуалетка, пальчики небрежно теребят горностаевую муфту. Он вновь следил за смиренным выражением ее лица, с таким к нему неподходящим вздернутым носиком, голова чуть наклонена набок; судья подался к ней с видом высокомерной снисходительности, чуть помедлил, бросил взгляд на зрителей, будто желая предупредить, что сейчас она от его слов станет вертеться как уж на сковороде, и произнес:

– А под чьим покровительством находитесь вы ныне, миссис Кларк?

Ответ прозвучал мгновенно, подобный выпад рапиры:

– Мне представлялось, что под вашим, ваша честь.

По залу пробежал смешок, перекинувшийся в откровенный смех, когда лицо его чести побагровело, и, пока он глупо елозил пером и перебирал бумаги, она стояла и дожидалась следующего вопроса, спокойная, безмятежная, лишь кончик языка мелькнул между зубами!

Да уж, недюжинное нужно остроумие, чтобы взять верх над Мэри-Энн! Как всякая женщина, она обладала низким коварством и всеми мыслимыми низменными свойствами. Алчная, корыстолюбивая безбожница, да еще и лгунья, она шла от одного дешевого триумфа к другому, пользуясь любовниками ради достижения благополучия, и все же... все же... Лорд Чичестер глянул на нее снова: белая шея, линия подбородка, пухлый, слегка капризный рот – он пожал плечами и все ей простил.

– Каковы ваши планы? – поинтересовался он отрывисто.

Она обратила на него затуманенный, безмятежный взгляд, теребя браслет на запястье.

– Планы? – откликнулась она. – Я никогда ничего не планирую дальше чем на завтра. Разве вы видели, чтобы я когда-то жила по-другому? Я решила последовать вашему совету и покинуть страну. Завтра мы с Эллен уезжаем во Францию. А потом – кто знает? Что будет, то будет.

Девочка, внимательно наблюдавшая за матерью, ухватилась за эти слова:

– Мы уезжаем из Англии?

Мать изобразила прилив чувств и, притянув дочку к себе, осыпала ее поцелуями.

– Бедная моя крошка, нас гонят с родины. Придется нам скитаться в чужой земле одинокими и неприкаянными. Будем кочевать из страны в страну, выискивая, где бы приклонить усталые головы, и некому будет...

– С тысячей фунтов в банке, не считая заначки от Фолкстона, плюс ваши драгоценности и посуда, – прервал лорд Чичестер, – вы будете жить по-королевски, если не пристраститесь к азартным играм. Вы ведь не забыли условия договора?

– А вы думаете, забыла?

– Вы способны на любую выходку, Мэри-Энн, если сочтете, что она в ваших интересах. Дайте сюда договор, я зачитаю вам его еще раз.

– Тогда пусть Эллен выйдет из комнаты.

– Ничего подобного. Пускай Эллен останется. Речь идет и о ее будущем.

Мать безразлично пожалала плечами, поднялась и подошла к одной из коробок в углу комнаты; пошарив там, она вернулась с листом пергамента.

Лорд Чичестер взял его у нее.

– Надеюсь, вы понимаете, – сказал он, – что это всего лишь копия. Оригинал хранится у герцога.

Она кивнула и лукаво посмотрела на него, подперев языком щеку.

Он нахмурился – легкомыслие представлялось ему в данном случае неуместным – и начал читать:

В соответствии с достигнутыми договоренностями я, Мэри-Энн Кларк, обязуюсь вернуть все находящиеся в моем распоряжении или у меня на хранении письма, бумаги, записки и записи, имеющие касательство к герцогу Йоркскому или иным членам королевской фамилии, в особенности – все письма и документы личного свойства, написанные или подписанные герцогом. Я также обязуюсь истребовать все документы, находящиеся по моему поручению на хранении у других лиц, и передать их уполномоченному другу герцога.

Кроме того, я обязуюсь, если потребуется, подтвердить под присягой, что я вернула все письма и иные письменные документы, написанные герцогом на мое имя, и что о существовании иных мне неизвестно. Я обязуюсь не обнародовать, в печатной либо письменной форме, какие-либо документы,

имеющие касательство до наших отношений с герцогом, равно как и никакие истории, в письменной или устной форме сообщенные мне герцогом. Я даю согласие на то, что в случае нарушения мною отдельных пунктов данного соглашения я буду лишена ежегодной ренты, подлежащей выплате мне пожизненно, а после моей смерти – моей дочери. Письма будут мною возвращены, что же касается личных документов, равно как и снятых с них копий, они будут сожжены в присутствии особо назначенного для этого лица. Кроме того, обязуюсь не хранить списков или списков со списков с писем или личных документов герцога Йоркского. Составлено первого апреля 1809 года. (Подпись) Мэри-Энн Кларк

– Видишь, милая моя Эллен, – продолжал лорд Чичестер, складывая документ и возвращая его матери, – будущее твое полностью зависит от того, сдержит ли твоя мама данное ею обещание. Ты это понимаешь?

Девочка серьезно кивнула. Губы ее были плотно сомкнуты, глаза холодны. Она казалась утомленной и зрелой не по годам.

– Но если мама поссорилась с герцогом, почему он хочет платить нам деньги? – спросила она. – Какое ему до нас дело? И почему он платит за обучение Джорджа? Даже одно это – великая щедрость с его стороны.

Лорд Чичестер взгляделся в нее; слабая улыбка играла на его губах. И тут в голове у него закопошился коварный чертенок.

– Пойди посмотри на себя в зеркало, – распорядился он.

Девочка повиновалась безропотно, понукаемая любопытством; подойдя к единственному непроданному, треснувшему зеркалу, она внимательно осмотрела свою фигуру.

– Сходство видишь? – поинтересовался лорд Чичестер, слегка подмигнув ее матери.

Эллен еще раз взгляделась в свои высокие скулы, длинный, похожий на клюв нос, твердую складку тонких губ – и внезапно ее озарила догадка. В первый момент она обмерла в растерянности и недоумении, а потом в еще незрелом детском мозгу вспыхнула искорка возбуждения. На миг ее унесло в мир фантазий, в голове завихрилось то, о чем она читала в исторических книгах. Процессия, состоявшая из английских королей и королев, прошествовала мимо, блистая золотом и серебром.

После этого девочка распрямила сутулую спину, вздернула острый подбородок и без единого слова гордо покинула комнату.

Лорд Чичестер постучал по табакерке и вздохнул.

– Какой я негодник! – проговорил он. – Она теперь до конца жизни будет считать, что в жилах ее течет королевская кровь, и это отравит ей существование. Хуже того, яд этот не выветрится еще три-четыре поколения... Ты видела выражение ее глаз? Ого! Гордыня – один из худших людских грехов! В кои-то веки удовлетвори мое любопытство. Кто был ее отцом?

Мэри-Энн демонстративно зевнула, подняла руки и запустила их в густые каштановые кудри. В этот момент она была сама невинность – ребенок, встрепанный со сна. Потом она наморщила носик и рассмеялась – мягким, задушевым, довольно вульгарным смехом, заразительным и неотразимым, поскольку он был органической ее частью.

– В Брайтоне столько народу, – пробормотала она, – а у меня такая скверная память на лица.

3

Па морских волнах в Дувре плясали белые барашки, и пакетбот, стоявший у пристани, немилосердно качало. Немногочисленные пассажиры сбились в кучку на пристани, до последнего оттягивая расставание. Английские меловые утесы нерушимо высились на фоне грозного серого неба. Чайки со сварливыми воплями прыдали на гладкую воду в гавани. Во влажном воздухе уже витал запах рыбы и испорченной пищи, а еще – невыразимый запах судна, смоляной и кисловатый, мучительный для тех, кто поднимается на борт помимо своей воли.

За пределами гавани пьяновато вздымались зеленые воды Ла-Манша, волны нагоняли друг друга и без всякого лада обрушивались к далекому горизонту. Даже самые уверенные в себе путешественники знали, что их ждет, когда судно отвалит от причала и присядет перед морем в первом реверансе. Оно ненадолго взмоет вверх – неспешно и с достоинством, – на миг замрет на гребне волны, а потом повалится вниз, криво, неловко, содрогнется от носа до кормы, застонет и захрипит, точно одышливая старуха. Все обменивались прощальными словами, пожимали руки, выкрикивали последние наставления в глухие уши.

Эллин, в лучшей своей пелеринке и капоре с меховой опушкой, прислонилась к ограждению и следила за неразберихой на нижней палубе. Пассажиры победнее толклись, точно скот в загоне, в безуспешных попытках расчистить себе немного пространства. Некоторые уже смирились с неизбежным, их притиснули к фальшборту, и они стояли, прижав к губам платки, устремив рассеянный взгляд, полный невнятного отчаяния, на бурное море. Дети плакали, женщины пытались истерическими окриками их унять, одновременно запихивая фрукты и пирожные в сопротивляющиеся ротки. Мужчины орал без всякой причины, терялся багаж, и вся эта суета и перебранка только усиливала ощущение хаоса. На той палубе, где стояла Эллен, было относительно тихо, немногочисленные пассажиры побогаче сидели, закутавшись в муфты и пледы и держа под рукой книгу или флакон с нюхательными солями – в зависимости от крепости их желудка.

Мать Эллен, с обычной ее расторопностью, умудрилась улыбками или подачками заполучить в свое распоряжение небольшую каюту, которую уже успела завалить поклажей – накидками, мехами, саквояжами и сундуками; среди всего этого затесалась и ее болонка, аккуратно причесанная и надушенная; из пасти ее капала слюна.

Фладгейт, стряпчий, приехавший с ними из Лондона, чтобы проследить за посадкой, окинул ее багаж недовольным взглядом. Путешествовать с таким скарбом – значит входить в лишние расходы, в будущем это не сулит ничего хорошего. Ему с первого взгляда стало ясно, что клиентка его совершенно не намерена жить по средствам. Он в последний раз обратился к ней с назидательной речью о том, сколь необходимы осмотрительность, экономия, – слова свои он подкреплял цифрами; Мэри-Энн терпеливо слушала, на губах ее играла улыбка, а взгляд все обращался стряпчему за плечо, на одного из пассажиров, который стоял поблизости, – невозмутимый, сознающий, что на него смотрят; его шляпа с загнутыми полями была надвинута на глаза.

Выглядела Мэри-Энн очаровательно: разнаряженная до нелепости, румяна на щеках точно того же тона, что и атласная лента на накидке и крашеное изогнутое перо, воткнутое в капор.

Как разительно она отличается от бедно, практично одетой француженки на нижней палубе, подумала Эллен, какое у той осунувшееся, морщинистое лицо и натруженные руки: черное суконное платье, серая шерстяная шаль. Женщина эта, с целым выводком детей, наконец-то расчистила себе местечко в углу палубы и, посадив маленького мальчика и его ревущую сестренку на колени к девочке постарше, обернулась со слезами на глазах к старшему сыну – он оставался в Англии. До Эллен долетели обрывки французских слов: сын оставался

в Англии, обещал как можно чаще писать о своем здоровье и успехах, а мать – по всей видимости, одинокая вдова – возвращалась во Францию, где его будет ждать дом. Увидев ее слезы, юноша тоже утратил свой бравый вид и, хотя и был человеком взрослым – лет восемнадцати, не меньше, – что-то забормотал, повесил голову, всхлипывая как маленький: «Maman, maman», и потянулся к ней. Наблюдая за ними, Эллен почувствовала укол сострадания к их горю и одновременно – прилив зависти, вызванный их взаимной приязнью; ведь мальчик этот был в маминых объятиях, а Джордж – в школе, беспечный и безразличный: он всего лишь прислал краткую прощальную записку, которую Мэри-Энн в припадке материнских чувств покрывала поцелуями, прежде чем отложить в сторону.

– Когда мы устроимся, ты к нам сразу приедешь, Роберт, – сказала женщина; такие же слова и ее мать должна была сказать Джорджу, но не сказала, подумала Эллен; да, у нее не было здесь ни братьев, ни сестер, поэтому она задержалась у ограждения, переживая за этих французов на нижней палубе. Женщина же улыбнулась сквозь слезы, расправила шаль.

– Мы возвращаемся домой, Роберт, ты должен это помнить. Возвращаемся девятнадцать лет спустя. Домой, на родину. К своей родне.

В ответ на это юноша жалко улыбнулся и раскинул руки:

– Это твой дом, maman, не наш. С чего наш-то, мы ведь его никогда не видели.

Женщина потрясла головой, упрямо сжав губы в тонкую линию:

– Приедешь – и сразу поймешь. Мы легко и естественно опять станем французами. Кровь не обманешь, Роберт. Уж я знаю, о чем говорю. Слишком долго я жила на чужбине. А это – отрав.

Она еще раз поцеловала сына, а потом оттолкнула; он отвернулся, кривя губы. Потянулся к братьям и сестрам, лепеча последние наставления, которые не выразишь словами:

– До встречи, Жак. Ты теперь старший. Давай приглядывай за ними. – Это брату, моложе его примерно на год, бледному, взбудораженному, – он косился через плечо на беспокойное море; казалось, хрупкие мальчишеские плечи не вынесут такой груз. – Луиза, сестричка, ты ведь будешь мне часто писать? Очень часто?

И девочка дала обещание, обвив его шею руками; ее длинные белокурые волосы заструились по его щеке.

Какое милое, нежное лицо, подумала Эллен, какая славная, ласковая девочка, явно никогда ни на кого не сердится. А потом Роберт склонился к малышам у нее на коленях:

– Веди себя хорошо, Гийом. Не забывай читать молитвы, Аделаида.

В ответ маленькие дружно заревели, размазывая слезы кулачками, и расстроили брата так, что он понял: нужно незаметно уходить, возвращаться на причал.

– А где же Луи-Матюрен? Куда он исчез? – вдруг воскликнула мать с панической нотой в голосе, и тут же последовал переполох, неразбериха, все глаза начали стрелять туда и сюда, и, покрывая голос матери, раздался резкий, всполошенный голос девочки, Луизы:

– Луи-Матюрен, да где же ты?

Эллен перегнулась ниже через ограждение, не меньше родных переживая за пропавшего ребенка. И тут за спиной у нее раздался тихий смешок – тот особый смешок, который издавала мать в минуты удовлетворения; обернувшись, Эллен увидела, что та стоит рядом с высоким, одетым в черное незнакомцем и на губах у нее играет легкая улыбка.

– С чего тебе понадобилось наблюдать за этими простолюдинами, Эллен? Не прислоняйся к грязному ограждению, наберешь блох в пелерину. Подойди и поздоровайся с джентльменом, который любезно пригласил нас отужинать с ним.

Незнамец склонился к девочке, погладил ее по голове униженной перстнями рукой.

– Как поживаете, юная барышня?

Эллен хмуро посмотрела на него, а потом, отвернувшись, схватила мать за рукав:

– Бедная французская семья – смотри, у них мальчик потерялся! Может, упал за борт.

Незнакомец рассмеялся и встал с ней рядом у ограждения:

– На нижней палубе всегда неразбериха, а теперь, когда эмигранты потянулись домой, и подавно. Их этой зимой целые толпы месяц за месяцем перебираются на родину в надежде вернуть хоть что-то из утраченной собственности. Та женщина внизу, судя по выговору, бретонка. Посмотри, какое у нее плоское лицо и каштановые волосы. Все они на один покрой.

– А вы, сэр, из какой части Франции родом?

Голос Мэри-Энн звучал игриво, и в нем чувствовался легкий вызов.

Незнакомец с улыбкой глянул на нее сверху вниз.

– Я с юга, – проговорил он вполголоса, – а на юге чувства сильны и горячи, там и женщины, и мужчины знают толк в удовольствиях.

Эллен нетерпеливо отвернулась и вернулась к ограждению. Все друзья ее матери были *на один покрой* — ломачи и лицемеры; в разговорах они вечно подсмеивались над всем и вся. Бедное семейство с нижней палубы не могло рассчитывать на их участие.

И тут вдруг она увидела его, потерявшегося мальчика, которого искали родные: рискуя упасть, он стоял на палубном ограждении, свесив одну ногу, уцепившись правой рукой за канат. Он был ей почти ровесник, ростом едва ли выше: круглое личико, курносый нос, кудрявые каштановые волосы. Лицо он поднял к небу, светлые голубые глаза следили за пролетающей чайкой. Он раскачивался между морем и небом, не обращая внимания на кишевших внизу людей, и что-то пел; мальчишеский голос, чистый и красивый, беспрепятственно взмывал в небо, напоминая полет птицы, за которой следил мальчик.

– Луи, немедленно слезай, ты упадешь! – позвала его мать, но он продолжал раскачиваться на одной ноге, скользя взглядом по ветреному небу, полностью отдавшись песне.

Эллен следила за ним с восхищением, и даже мать ее прекратила на миг любезничать с незнакомцем и вслушалась; ротик ее искривила улыбка.

– Мальчик поет как ангел... – сказала она.

И тут он вдруг смолк, поняв, что все на него смотрят, вспыхнул и соскользнул на палубу. Чары исчезли. Он оказался обыкновенным курносым мальчишкой с озорными голубыми глазами.

– Идем, Эллен, – позвала мать. – Пора спускаться к обеду. Пусть эмигранты сами жуют свой хлеб с сыром.

Судно сильно качало на коротких волнах пролива, с брызгами мешались секущие струи дождя, немилосердно впиваясь в озябшие руки и ноги.

Ужин не слишком удался. Лица становились все бледнее, болтовня стихла, и даже смуглый незнакомец, галантно предложивший им вина, примолк ненадолго, осушив бокал. Улыбка его сделалась натянутой, он мучительно кашлянул. Кончилось тем, что он исчез, пробормотав какое-то извинение. Мэри-Энн сморщила нос и расхохоталась. На нее качка никак не действовала. Она с аппетитом ела бифштекс, заливая кровью тарелку; отхватив кусочек пожирнее, она кинула его собачке, которая, облизнувшись, заглотила угощение целиком. Эллен металась на койке, подтянув колени к подбородку, и воображала себе свою несчастную покинутую спаленку в Вестбурн-плейс. Отужинав, Мэри-Энн завернулась в плащ и вышла на палубу. Дождь и ветер добрались до кудрей, выбившихся из-под капора, раскидали их по ее лицу. Она подошла к ограждению, туда, где до ужина стояла ее дочь, и посмотрела на эмигрантов.

Французское семейство терзала морская болезнь. Сложив руки в молитве, женщина раскачивалась вместе с палубой, пропустив четки между пальцев. Время от времени, когда судно взмывало особенно высоко и обрушивалось обратно, она издавала стон.

Белокурая дочка держала на коленях малышей, а долговязый Жак ничком лежал на палубе. Даже певучий ангел утратил свой голос и смотрел в волны с выражением муки в светлых глазах.

– Вот бедняга, – рассмеялась Мэри-Энн, – ты и понятия не имел, что Англию и Францию разделяет такая бездна.

Она открыла кошелек и бросила ему на палубу монетку.

Мальчик уставился на нее в изумлении, а когда она улыбнулась и кивнула, указывая на монету, зарделся от гордости и смущения и отвернулся. Мэри-Энн рассмеялась снова и хотела было крикнуть ему, но тут над головой у нее раздался голос матроса, и она устремила глаза вперед – там, вдалеке, за мачтами их судна, завиднелась темная полоска французского берега.

Мальчик следил за ней, прикрыв глаза рукой, а когда понял, что она о нем забыла и смотрит на горизонт, воровато оглянулся на свое истерзанное семейство и, поняв, что никто не увидит, молниеносно выбросил вперед руку и опустил монету в карман. После этого он снова откинулся назад и притворился спящим, а его сестра, уловившая его стремительное движение, заботливо нагнулась над ним и провела рукой по каштановым кудрям.

Мэри-Энн тихо напевала песенку, постукивая до смешного маленькой ножкой по палубе. Она думала о том, что кочевая жизнь позади и теперь ей наконец по средствам жить ради своего удовольствия, а не ради удовольствия мужчин. Последние годы были совершенно невыносимыми, положение отставной любовницы оказалось крайне мучительно. Пасть ниже было попросту невозможно. Восхищение, лесть, радушный прием в каждом доме, окружение слуг и друзей, неоспоримая власть, а потом – презрение, остракизм, откровенные издевательства, оскорбления простолюдинов, назойливость лавочников, пренебрежение со стороны тех самых друзей, которые когда-то целовали ей руки... нет, такое невозможно простить. И она не простит – до самой смерти. Она уже причинила ему достаточно неприятностей, станет причинять и дальше. Как же он теперь ей омерзителен, с его красными пятнами на лице, с раздутым брюхом, с багровым носом-картофелиной! Как она презирает его, и его братьев, и всю их семейку; их грубые речи, низменные привычки, саму манеру есть, пить, спать...

Боже правый, сколько же она всего вынесла! Но теперь все в прошлом, все позади, а впереди – новая страна, новый мир, который предстоит заново открывать.

Уж теперь-то она поживет вольготно и в свое удовольствие – впервые в жизни. Самое основное у нее есть: рента для нее и для Эллен, место в полку для Джорджа. Все долги оплачены, мебель распродана. Соглашение составлено, подписано, засвидетельствовано. «Кокс и Гринвуд» будут вести ее дела. Чичестер был с ней рядом до самого конца.

Но несмотря на все это, она по-прежнему слышала зов охотничьего рожка. Она улыбнулась, погладила опушку муфты. Да, они здесь, укрытые надежно и хитроумно; подумать только, как незаметно можно припрятать такую пухлую связку. И до чего же откровенно их содержание, какой ущерб оно способно нанести репутации автора! Она погладила их, приласкала сквозь подкладку муфты; она знала назубок цвет тонированной бумаги, герб на конверте, уродский размашистый почерк. Вот он, ее дополнительный доход на случай, если таковой понадобится, – дюжина писем герцога Йоркского, которые, благодаря счастливой случайности, избежали гибели в равнодушном пламени.

Часть вторая

4

Учебный пансион на улице Нев-Сент-Этьен был мрачным безликим зданием, затиснутым между старыми домишками, когда-то веселенькими, а теперь облупившимися; владельцы их бежали во время революции, да так и не вернулись.

Когда-то в «салонах» звенел смех, а по коридорам разносились музыка и пение, шуршание шелковых юбок и радостный перестук высоких каблучков; сильно за полночь мальчишки-факельщики мчались по мощеной улице, освещая дорогу мадам графине, которая возвращалась домой. Да, тогда здесь царила радость, пока не грянула буря; здесь звенели виола и спинет, здесь не смолкали комплименты – очаровательные, пусть и неискренние, и жужжание разговоров обо всем и ни о чем; здесь царила интригующая атмосфера пудры, мушек и масок, здесь хихикали, зажав рот ладошкой.

Пузырь этот лопнул с началом революции, наносное поверхностное изящество исчезло как не бывало; даже стены старых домов потемнели от подозрительности, провалы окон были темны, будто за каждым таился шпион: ухо прижато к стене, сам боится собственной тени.

На домах этих лежало клеймо, а по улице тянулся кровавый след – след мук и страданий тех лет, когда холодное, ополоумевшее дыхание Террора коснулось камней этих зданий, заледенив несчастных перепуганных призраков, которые там блуждали.

Когда барабаны возвестили пришествие Наполеона, а флаги превратились в знамена, летящие по ветру, в домах началось шевеление, они вроде как пробудились вновь; открылось окно, дабы запустить внутрь звуки, новый сквозняк, принесенный новым ветром, ворвался в коридоры. Однако вскоре выяснилось, что то была ложная надежда, и дома вновь погрузились в запустение. Былому веселью не нашлось пути назад; восемнадцатое столетие минуло невозвратно. Бурбоны, пришедшие на смену императору, оказались марионетками с кукольными коронами на голове, и было нечто смехотворное, почти постыдное в их попытке вновь раздуть поруганное пламя, воскресить мертвых, втиснуть улады Трианона и красу Версаля в безликий буржуазный быт восемьсот двадцатых годов. На нынешнем празднике это звучало фальшью, вынуждая гостей помимо собственного желания разыгрывать шарады. Костюмы устарели и поизносились, не осталось ни таланта, ни азарта, никому не хотелось играть.

В итоге дома на улице Сент-Этьен так и стояли обшарпанные и покинутые, в некоторых открыли конторы, другие снесли, в одном расположился склад, а в номере восемь обосновался учебный пансион, за деятельностью которого с успехом надзирала мадам Пусар.

Здесь дочери новых столпов общества осваивали немецкий, итальянский и английский, рисовали акварелью, вышивали шелком, лупили или постукивали по фортепьяно – в зависимости от ловкости пальцев, – а уединившись в дортуарах, хихикали и перешептывались, как это принято у девочек.

Мадам директриса обрадовалась, когда заручилась согласием мадемуазель Луизы Бюссон-Дюморье занять место преподавательницы английского языка. Мадемуазель Дюморье знала язык в совершенстве, поскольку детские годы провела в Лондоне. Во Францию она возвратилась в возрасте пятнадцати лет, и хотя, как и все бывшие эмигранты, она отличалась некоторой гордыней и склонна была причислять себя к исчезнувшей аристократии, все это было не так уж важно; такое можно простить. Ведь мадемуазель была такой ласковой, такой покладистой, ученицы ее просто обожали. А кроме того, у нее было отточенное чувство приличий, как и подобает гувернантке; помимо прочего, она была глубоко религиозна.

– Будь этот путь для меня открыт, мадам, – объяснила она директрисе, впервые придя в пансион, – я бы приняла монашеский обет в монастыре Сакре-Кёр. Я знаю, что только в служении Господу нашему можно обрести истинное счастье. Возможно, с годами мне удастся осуществить свою мечту. Пока же я вынуждена зарабатывать на жизнь и помогать близким. Должна признаться, что воспитывали меня не для работы, я никогда не думала, что обстоятельства вынудят меня к этому.

– Не могли бы вы обрисовать свои жизненные обстоятельства, мадемуазель?

Мадемуазель Бюссон-Дюморье (аристократическая фамилия Дюморье, вернее, дю Морье, звучит довольно нелепо в наши дни, когда владение поместьями не имеет решительно никакого значения, подумала директриса) вздохнула и покачала головой.

– Возвращение во Францию стало для нас большим разочарованием, – призналась девушка. – Отец ожидал, что нам окажут куда более существенную помощь. Стекольная фабрика, которую основал мой дед, была разрушена, замок наш лежал в руинах. Никто не желал с нами видеться, нас попросту никто не помнил. Это разбило отцу сердце.

– Двадцать лет в изгнании – немалый срок, мадемуазель, – напомнила директриса холодно.

Ее муж когда-то был комиссаром в Сен-Дени, сама она в душе так и осталась яркой республиканкой. Она не испытывала никаких симпатий к вернувшимся эмигрантам, которые бежали из страны в момент опасности, а теперь ожидали, что их встретят с распростертыми объятиями.

– Итак, вы не получили никакого возмещения? – осведомилась она.

Преподавательница английского протянула ей лист пергамента.

– Только это, – произнесла она горько, – причем ожидалось, что мы примем его с благодарной улыбкой. Нас шестеро, мадам Пусар, помимо матери, и это все, что у нас осталось за душой после смерти отца.

Директриса взяла листок и прочитала:

J'ai l'honneur de vous prévenir, mademoiselle, que le Roi, voulant vous donner une preuve de sa bienveillance et récompenser en vous le dévouement et les services de votre famille, a daigné vous accorder une pension annuelle de deux cents francs. Cette pension, qui courra du premier janvier mil huit cent seize, sera payée au Trésor de la liste civile (aux Tuileries), de trois mois en trois mois, après que la présente lettre y aura été enregistrée, sur la présentation de votre certifi cat de vie.

*J'ai l'honneur d'être, mademoiselle, votre très humble et très obéissant serviteur,
Le Directeur-général, ayant le Porte-feuille, Comte de Pradely
Paris, le 10 mai, 1816³*

– Двести франков – это как-никак двести франков, – произнесла директриса, возвращая письмо. – Лучше, чем оставить голову на гильотине. Вижу я, вы, эмигранты, вполне неплохо устроились.

Мадемуазель Бюссон промолчала. Она думала про отца, который уехал в Англию в изгнание, оставив свое сердце в Сарте, вернулся наконец в родной дом и выяснил, что тот разрушен до основания; с тех пор он дрожал над каждым франком, чтобы прокормить семью, и наконец, надорвавшись, скончался в Туре, где служил учителем.

– А чем занимаются остальные члены вашей семьи?

³ Имею честь сообщить Вам, мадемуазель, что, дабы продемонстрировать Вам свое благоволение, возместить Вам Ваши утраты и вознаградить Вашу семью за преданность, Его Величество соизволил предоставить вам ежегодную пенсию в размере двухсот франков. Пенсия будет выплачиваться с первого января тысяча восемьсот шестнадцатого года из средств Цивильного листа (в Тюильри) раз в три месяца, после регистрации данного письма и по предъявлении удостоверения личности. Остаюсь, мадемуазель, вашим смиренным и преданным слугой, старший распорядитель и делопроизводитель граф де Прадели Париж, 10 мая 1816 г. (фр.).

– Старший брат Роберт живет в Лондоне, мадам, служит клерком в Сити. Жак работает в банке в Гамбурге. Двое младших живут здесь, в Париже, вместе с матерью, на улице Люн; именно ради них я и хочу преподавать английский у вас в пансионе.

– А шестой? Вы не упомянули еще одного брата.

По лицу учительницы английского пробежала тень.

– Да, у меня есть еще один брат. Луи-Матюрен. Увы, он пошел наперекор воле семьи и сейчас учится на оперного певца.

– Кто знает, быть может, он заработает много денег.

– Сомневаюсь, мадам. Он безалаберный, ветреный, вечно в долгах. Как вы понимаете, нам, его родным, крайне тягостно видеть, что он попусту тратит время на столь бесполезное занятие. Он сделал невозможный выбор... Бюссон-Дюморье зарабатывает на жизнь пением...

Мадам директриса задумчиво взглянула на молоденькую учительницу. Месье Пере уже стар и стремительно глохнет. Она давно поняла, что в ближайшее время придется искать ему замену. Вот если бы еще переманить к себе и брата этой учительницы... по несколько франков за урок; ему наверняка деньги будут к стати. Да и для себя она на этом кое-что выгадает.

– Понимаю, как тяжело вам смириться с мыслью, что брат ваш пойдет на сцену, – сказала она сочувственно. – Если я составила себе правильное представление о том, как вас воспитывали, да еще учитывая, что вы ревностная католичка, вам тяжело будет вынести такой позор. Однако в преподавании нет ничего зазорного, – полагаю, вы и сами это знаете. Если бы вы сообщили своему брату, что я ищу учителя пения, – оплата, разумеется, невысока...

Мадемуазель Бюссон густо покраснела.

– Вы чрезвычайно добры, мадам, – сказала она. – Когда я в следующий раз увижу Луи, я передам ему ваши слова. Но я не вполне уверена... он слишком независим.

Директриса пожала плечами:

– Разумеется, ему выбирать. Учителей сотни, и я могу пригласить любого. Я всего лишь пытаюсь сделать вам одолжение. Всего хорошего, мадемуазель. Надеюсь, вы оцените благонравие своих учениц.

И она отпустила учительницу одним мановением руки.

«Печально, – размышляла мадемуазель Луиза, раскрывая учебник английской грамматики на девятой странице и глядя на ряды сияющих личиков, – что я вынуждена служить учительницей, чтобы не умереть с голоду на улице, тогда как другие женщины, равные мне по положению и рождению, живут в праздности в собственных замках и готовятся выйти замуж за герцога или маркиза. А Луи-Матюрен, которому полагалось бы руководить собственной стекольной фабрикой, скатился до того, что размалевывает лицо и продает свой талант за горстку монет. Нужно научиться смирению; нужно усмирить свою гордыню. *Père, pardonnez-les, ils ne savent pas ce qu'ils font*»⁴.

– Откройте, пожалуйста, учебники, барышни. *Je ferme la porte – I shut the door. Tu fermes la porte – thou shuttest the door*⁵. Она произносила слова четко, правильно, старательно двигая тонкими, еще полудетскими губами; светлые волосы были собраны в строгий узел на затылке. Мадемуазель Бюссон, чье наследство свелось к двумстам франкам да пыльному графину, когда-то выдутому на канувшей в Лету дедовской фабрике, вступила на учительское поприще.

Она преуспела – не потому, что так уж хорошо разбиралась в английской грамматике и знала все тонкости глаголов и герундиев, а потому, что обладала счастливым свойством нравиться ученикам. Ей были присущи дар понимания, склонность к сочувствию, а это сразу притягивало к ней тех, кого она обучала, даже если она была чуть слишком религиозна и чуть

⁴ Прости их, Господи, ибо они не ведают, что творят (*фр.*).

⁵ Я открываю дверь... ты открываешь дверь (*фр., англ.*).

слишком сурова; они ей все прощали из-за кроткого выражения лица, белокурых волос, ласковых синих глаз. Попала в беду – расскажи об этом мадемуазель Бюссон. Захворала телом или душой, лежит груз на совести – ничего, милочка мадемуазель Луиза возьмет тебя за руку, пробормочет молитву у тебя над головой, может быть, даже обронит несколько слезинок – и поди-ка! Все грехи отпущены, ты опять ангелочек.

Юная Эжени Сен-Жюст дала Луизе клятву в вечной дружбе, и между ними возникла неподдельная приязнь, основанная на сходстве интересов; они обменивались книгами, делились мыслями, обсуждали свое малопонятное будущее, надежды и идеалы. Такое это было счастье – возбуждать в ком-то восхищение! Дома-то жизнь неустойчивая, напряженная: денег мало, двух младших необходимо кормить, а Луи-Матюрен ведет себя как какой-то паяц.

– То, что он увлекается пением, мы не осуждаем, – объясняла его сестра своей новой подруге. – Пусть благодарит Бога, даровавшего ему такой голос, это воистину дар Небес; но в какой он вращается компании – оперные музыканты, актеры, актрисы! Мама близка к отчаянию. Роберт написал ему из Лондона, Жак – из Гамбурга, но все напрасно. А есть, Эжени, кое-что и похуже, тебе я об этом скажу, хотя даже мама про это не знает.

Юная ученица широко раскрыла огромные темные глаза:

– Ах, мадемуазель!

– Тебе я скажу, но только пообещай: никому ни слова. Эжени, мой брат стал атеистом!

Они в ужасе смотрели друг на друга – та, что помоложе, лишилась дара речи; через некоторое время учительница английского снова кивнула.

– Да, – произнесла она медленно. – Луи-Матюрен не верит в Бога.

Она посмотрела в окно, на небо, укрытое белыми облаками, и подумала: как же так могло случиться, что ее брат, который когда-то разучивал первые молитвы, сидя у нее на коленях, и за руку с ней шел к первому причастию, мог безвозвратно потерять себя и отречься от вскормившей его веры? Она содрогнулась при мысли об адском пламени, которое ожидает несчастных отступников...

Обе вздрогнули, услышав стук в дверь; учительница отложила свое рукоделие.

– Что вам? – окликнула она.

– Мадемуазель Бюссон, вас просят выйти в гостиную.

Луиза пригладила кудри и следом за служанкой отправилась вниз.

Мадам директриса встретила ее у дверей гостиной.

– Возможно, у нас будет новая ученица, – проговорила она торопливо, – барышня-англичанка приблизительно ваших лет. Она хотела бы два-три месяца изучать французскую литературу. Я ответила, что во вторник, во второй половине дня, вы располагаете временем для частных уроков. По-французски она говорит достаточно свободно, но ее мать, которая тоже здесь, постоянно вмешивается в разговор. Какой у нее ужасный выговор!..

Луиза вошла в гостиную, и в нос ей тотчас ударил назойливый запах духов; она услышала голос, проговоривший громко и отчетливо:

– Чай? Нет, увольте, это не для меня. Принесите портера, если найдется.

Извиняющееся бормотание директрисы, предложение легкого аперитива. Луиза приготовилась к худшему.

Владелица голоса сидела в единственном удобном кресле в салоне мадам Пусар, откинувшись на спинку с таким видом, будто это ее собственная гостиная. Миниатюрная, средних лет, разодета в пух и прах. Капор с огромным козырьком – такой подошел бы только семнадцатилетней девушке – венчал завитые крашенные волосы, из-под меховой накидки выглядывало белое атласное платье.

А главное – на ней были вечерние туфли с пурпурными каблукчиками, и сидела она по-мужски, закинув ногу на ногу и покачивая крошечной стопой. Лицо было густо напудрено и крикливо размалевано: вместо того чтобы скрывать мелкие морщинки, пудра их только под-

черкивала. Красивые блудливые глаза поблескивали из-под накладных ресниц. На каждом пальце сверкало по перстню, надетому поверх перчатки; она гладила отвратительную лысую собачонку, надушенную и убранную лентами, как и она сама, – собачонка мелко дрожала у нее на коленях.

– Позвольте представить вам нашу преподавательницу английского, миссис Кларк, – сказала директриса.

Луиза, внутренне съежившись, подошла к протянутой руке; проявив недостаток воспитания, англичанка икнула, разлила аперитив, а потом – чем дальше, тем хуже – еще и подмигнула Луизе.

– Ветерок под сердцем, – пробормотала она. – Случается в моем возрасте. Врачи говорят, что не следует пить за едой. Мне что, есть с водой? – говорю я им. Ну здравствуйте, мамзель Бюс. Знаете, что это будет по-английски?⁶ – Она рассмеялась дребезжащим смехом, еще раз подмигнула и ткнула Луизу пальцем под ребра.

– Мама! – тихо, увещающе произнес голос с ней рядом.

– Да чтоб тебя, Эллен! Что я такое сказала? – Странное создание развернулось в кресле и обиженно вспыхнуло; огромный капор слегка скособочился.

– *Bonjour, mademoiselle, j'espère que vous vous trouvez en bonne santé*⁷.

Дочь – а эти слова наверняка произнесла именно она, предположила растерявшаяся Луиза, – говорила в быстром темпе, на несколько неестественном французском, не обращая никакого внимания на мать, – та передернула плечами и принялась кормить собачонку леденцами из бонбоньерки. Дочь была полной противоположностью матери: одета скромно и неброско, впалые щеки не тронуты румянцем; вместо того чтобы, по примеру матери, поприветствовать Луизу широкой улыбкой, она смерила ее с ног до головы оценивающим взглядом, а выводы, видимо, оставила на потом.

– Мы несколько лет прожили в Италии и на юге Франции, – сказала она. – Теперь собираемся на некоторое время обосноваться в Париже, где я намерена осмотреть все достопримечательности и как можно больше учиться. Возможно, мадемуазель, мы могли бы читать вместе пьесы Корнеля и Расина – Мольера я уже освоила – и стихи более ранних поэтов, например Ронсара и Вийона: мне хотелось бы сравнить их с ранними итальянцами. И не могли бы вы ознакомить меня с основными картинными галереями? В Риме и Пизе я изучила основы живописи. Но я совершенно несведуща во французском искусстве и хочу это исправить. Кстати, а сами вы, случайно, не занимаетесь живописью?

– Немного. Правда, скорее для собственного удовольствия. Мне нравится рисовать цветы. Братья даже утверждают, что у меня есть талант.

– Вот и замечательно. Какое удовольствие встретить культурного человека! Мы с мамой сейчас ведем тихую жизнь. Мое нынешнее общество – книги и ноты.

– Вы музыкантша?

– Да, я играю на арфе. В Италии у меня был превосходный педагог. Но сейчас нам пришлось несколько урезать расходы, так что я больше не занимаюсь.

Лицо ее перекошилось – она уловила концовку материнской фразы.

– Я вам прямо скажу, в чем дело: девушки нынче пошли такие лицемерки, – вещала ее мать. – Увидят пару брюк – и сейчас в краску! Можно подумать, им совсем не интересно, что там, внутри. Да помилуйте, а для чего же тогда нужны брюки? Лучше пораньше выйти замуж и разобратся...

Опешившая директриса не могла подыскать ответ и сидела без всякого выражения на лице; рука, державшая чашку с чаем, застыла в воздухе.

⁶ Buss (англ.) – поцелуй.

⁷ Здравствуйтесь, мадемуазель, надеюсь, вы пребываете в добром здравии (фр.).

Луиза вспыхнула – из сочувствия к дочери – и опустила взгляд на натертый паркет, чтобы не встречаться с ней глазами.

– В Париже много замечательных преподавателей музыки, – услышала она собственный голос. – Например, студенты консерватории, которые с удовольствием пожертвуют своим временем в обмен на скромное вознаграждение. Если хотите, я могу поспрашивать, мне это ничего не стоит.

Она говорила стремительно, чтобы скрыть замешательство своей юной собеседницы, однако звук ее голоса переключил внимание на нее саму, и ведьмочка крутанулась в своем кресле, чтобы лучше ее видеть; подведенные губы раздвинулись в улыбке, крашенные локоны заплясали по щекам.

– Знаете, что я вам скажу, милочка: слишком уж вы хорошенькая, чтобы работать учительницей, – проговорила она, грозя наставленным на Луизу пальчиком. – Нашли бы вы себе мужа. Вокруг полно молодых людей, главное – искать с умом. Пускай Эллен как-нибудь приведет вас к нам, и, когда вам надоест разглядывать картины и бренчать на арфе, мы с вами немного поболтаем. Уж про мужей-то я все знаю – выскочила замуж в семнадцать – и могу долго расписывать, что именно они делают и как... Вашу мадам спрашивать бесполезно: она не расскажет. Или расскажете, мадам? – И она захихикала, как школьница, погрозив пальчиком директрисе.

Ситуация делалась невыносимой. Мисс Кларк поднялась и резко произнесла, обращаясь к матери:

– Мы отняли у мадам слишком много времени, а у мадемуазель Бюссон наверняка вот-вот начнется урок. Боюсь, нам пора... Так мы сможем начать в следующий вторник? *C'est entendu, mademoiselle*⁸. Мне будет крайне приятно общество столь образованной молодой дамы.

Впервые за все время дочь распрямила спину и заговорила с чувством. Ее сверкающие глаза будто бы говорили без слов: «Я одинока, я хочу, чтобы ты стала моей подругой. Мне кажется, мы поймем друг друга». После этого она поклонилась и вышла из комнаты; мать семенила следом, постукивая высокими каблучками, накидка сползала с плеч, лысая собачонка тарашила глаза из-под мышки.

– Вечно Эллен уводит меня как раз тогда, когда становится весело, – пожаловалась она. – Такая славная девочка, вот только, *entre nous*⁹, начисто лишена чувства юмора. Вас бы познакомить с моим сыном, мамзель. Славный парнишка, унтер-офицер, знаете ли. Женщины его просто обожают... понятно, что у него нет времени для старушки-матери!

Она еще раз подмигнула, а потом, подняв руку, прошептала учительнице английского в самое ухо:

– Не задерживайтесь в гувернантках; это дурно сказывается на цвете лица. И советую завести любовника. Щечки расцветут как розы!

Она вышла, сотрясаясь от хохота, окутанная ароматом духов; собачонка фыркала, плевалась и покусывала ее за ухо, выражая полное одобрение.

С этого и началась дружба между Эллен Джоселин Кларк и Луизой Бюссон-Дюморье – в детстве они уже виделись однажды, хотя и не знали этого. Дружба, которой предстояло справиться с трудностями близких отношений и иных превратностей судьбы; внутренняя связь, которую укрепляло определенное сходство: обе родились на исходе восемнадцатого столетия и, соответственно, к нему уже не принадлежали, обе успели впитать ханжество и чопорность, столь свойственные новому веку. Кроме того, обеим привили довольно жалкий снобизм. Эллен твердо верила, что в ней течет королевская кровь, и склонна была заноситься, забывая про

⁸ Договорились, мадемуазель (*фр.*).

⁹ Между нами (*фр.*).

свое трущобное происхождение, Луиза же обожала измышлять истории про древний замок в Шеню-де-Сарт, которого никогда не видела, но который принимала за данность, и крепко держалась за аристократические воспоминания о бедном своем покойном папеньке, который, несмотря на симпатии к роялистам, окончил жизнь, учительствуя в Туре.

Голубая кровь обеих была мифом, и, наверное, в потайных недрах души они знали об этом и сильно страдали – иногда это добавляло каплю горечи в их разговоры; этого не случилось бы, будь они в состоянии осознать, что простая честная буржуазная кровь – самая надежная и жизнестойкая, именно она дарует тем, в чьих жилах течет, способность трудиться, достигать намеченного и мыслить здраво, иная же кровь обращается в воду и порождает бездельников, белоручек, бесплодных мечтателей.

Эжени Сен-Жюст немного ревновала к новой подруге, которая так часто отнимала у нее ее ненаглядную мадемуазель Бюссон, но, будучи по натуре мягкосердечной, скоро утешилась мыслью, что ведь мисс Кларк, в конце концов, не ученица, она уже взрослая, а из всех барышень, обучающихся в пансионе, она, Эжени, явно пользуется особым благоволением.

Единственным облаком на Луизином горизонте оставался, как всегда, ее брат Луи-Матюрен, который бросил занятия вокалом так же внезапно, как и начал, и не придумал ничего лучше, чем увлечься наукой, – он намеревался совершить путешествие к звездам.

Вернувшись в воскресенье домой, в тесную квартирку на улице Люн, Луиза обнаружила, что мать рыдает, Аделаида и Гийом стоят с открытым ртом, а Луи-Матюрен мерит комнату шагами и возводит хулу на святых.

– Они эпилептики, все до единого, – возглашал он. – Уж я-то знаю, я специально изучал эпилепсию, и симптомы все налицо. Выпученные глаза, пена изо рта, нечувствительность к боли, нарушения речи, многочасовая неподвижность – все это несомненные признаки эпилепсии. Добрый вечер, Луиза. Гляди, блудный сын вернулся. Опера лишилась величайшего певца всех времен и народов. Петь я больше не стану. Займусь наукой.

Он стоял в середине комнаты, размахивая руками, безумные голубые глаза смотрели на нее сверху вниз, каштановые кудри отлетели с высокого лба.

Луиза нежно поцеловала брата, задержала его руку в своей.

– Я очень рада, что ты одумался и бросил сцену, – сказала она. – Но что это за новые глупости? Ну же, Луи, успокойся и говори здраво. Смотри, маму перепугал, а у маленьких такой вид, будто они увидели привидение.

– Глупости? Кто смеет утверждать, что я говорю глупости? – вскинулся Луи, отталкивая сестру. – Если и есть истина в этом проклятом мире, где мы имеем несчастье жить, то искать ее следует в науке. Бога твоего не существует, твоя религия – издевательство над людьми. Знаешь ли ты, что когда ты складываешь руки и возносишь к Небесам свои молитвы, ты на деле обращаешься к миллиардам солнц, вращающихся в космосе, к частице бескрайней Вселенной? Что и наш мир когда-то был пылающим шаром и когда-нибудь либо вновь обратится в пламя и сгорит, либо медленно остынет и омертвеет, как и Луна?

– Жестокие, смехотворные выдумки, – твердо произнесла Луиза. – Господь этого не попустит.

– Бедная моя сестренка, да я же тебе только что сказал, что никакого бога нет и никогда не было. Бог – людское изобретение, отводная труба для эмоций. Мы до такой степени лишены отваги, что вынуждены создавать идола...

– Довольно, Луи! – вмешалась мать. – Не смей больше богохульствовать в этом доме! Ты был рожден и воспитан католиком, как и твои братья и сестры; если ты решил отречься от веры, пусть это останется на твоей совести, но слушать об этом мы не желаем. И пока ты придерживаешься подобных взглядов, лучше тебе здесь не появляться.

Луи-Матюрен запустил пятерню в волосы и громко застонал.

– Никто меня не понимает! – пробормотал он. – Сочувствия никакого, просвещаться не хотят. Вышвыривают из родного дома прямо на улицу. Дивный пример христианской добродетели: мать отказывает в корке хлеба родному сыну. Ну да ладно. Я горд, я тверд в своем стремлении преуспеть. Настанет день, когда имя мое будет на устах всего мира; ученые и профессора назовут меня Великим Учителем. Я уже придумал, как построить аппарат, на котором можно полететь на Луну... Луиза, ты единственная из всей семьи хоть немного меня понимаешь. Неужели и ты вышвырнишь меня за дверь?

В своей мольбе он был похож на школьника-переростка – длинноногий, кудрявый, из светло-голубого глаза старательно выжата слеза.

Губы Луизы дрогнули, она вспомнила, как в детстве вызволяла его из сотен переделок: дурацкие приключения, непонятные порывы – он всегда поступал по-своему, безалаберный, без царя в голове, единственный непутевый сын ее матери... Она взяла его за локоть и увела в коридор над лестницей.

– Ты прекрасно знаешь, что всегда можешь приходить ко мне, – сказала она, – но не надо вот так вот врываться в дом, Луи, и кричать про атеизм и дьявола. Матушка столько настрадалась в жизни, она уже немолода. Постарайся об этом не забывать. Кроме того, и мне, которая любит тебя и любит Господа, больно смотреть на заблудшего брата.

Он ее не слушал; она видела, что рассеянный взгляд его голубых глаз устремлен сквозь нее, за нее, в какую-то его фантазию. Сжав его руки покрепче, она помолилась про себя – на нее вдруг нахлынуло твердое убеждение, что он действительно гений, великий человек, что когда-нибудь имя его будет на устах всего мира, как он и предрек.

Возможно, он сделает какое-нибудь великое открытие, которое принесет пользу всему человечеству; в старости она станет гулять в Королевском саду и увидит там его статую.

– Господи, – шептала она, – сделай Луи-Матюрена великим среди людей, и да подчинится он Твоей воле, и да будут все его помыслы благородны.

Ей показалось, что лицо его озарено светом, которого она раньше не видела, что он исполнен новой решимости. По его глазам она поняла, что он далеко, там, куда ей никогда за ним не последовать. Она всего лишь женщина, скромная учительница, а он гений. И тут он вдруг повернулся к ней, тяжело вздохнул и, улыбнувшись своей мечтательной доверчивой улыбкой, поцеловал ей руку.

– Луиза, – начал он, – такой пустяк... просто стыдно тебя тревожить... у меня тут опять должок... так, мелочь, какие-нибудь пятьдесят франков... и говорить не о чем... но если бы ты дала мне денег прямо сейчас, до того как я уйду...

5

Когда стало известно о помолвке юной Эжени Сен-Жюст и герцога Палмелла, все в пансионе страшно взволновались. Молодые люди познакомились летом в Лиссабоне, и это была любовь с первого взгляда. Такой красивый, с таким будущим и таким именем в дипломатических кругах! Прекрасная партия, ибо, хотя Эжени и происходила из очень древней французской семьи, никакого наследства ей не причиталось, и вот – выходит замуж за самого богатого человека в Португалии. Луиза была в восторге – не меньшем, чем ее ученица. Девочка попадет в прекрасные руки (Палмелла были ревностными католиками и людьми чрезвычайно образованными, не в пример тем португальским евреям, которые иногда встречались в бедных кварталах Парижа) – причем благодаря ее, Луизы, дальновидности: ведь это она убедила Эжени в том, что поездка в Португалию расширит ее кругозор и ей непременно нужно воспользоваться приглашением кузины.

Свадьба была назначена на январь, и Эжени объявила, что ее ненаглядная мадемуазель Бюссон должна стать на ней самой почетной гостьей.

– И если вы устанете от Парижа, – добавила она, – приезжайте к нам в Лиссабон погостить. Для вас там всегда будет готова комната. Я пока и сама не понимаю, как проживу без вашего общества, и, наверное, когда дела будут отвлекать мужа и ему некогда будет со мной поговорить, я еще не раз вздохну по улице Нев-Сент-Этьен и нашим с вами беседам.

– Ты быстро забудешь меня в Португалии, – улыбнулась Луиза. – Ты ведь станешь герцогиней, тебе будут служить сотни слуг, каждый вечер тебя будут ждать балы и развлечения. Не останется у тебя времени вспоминать свою бывшую учительницу.

– Нет, останется! – горячо возразила Эжени. – Как вы могли заподозрить меня в такой неблагодарности – после всего, что вы для меня сделали? Мисс Кларк, будьте свидетелем моих слов. Клянусь, что я, Эжени де Палмелла – ведь так меня будут звать, – стану до своего смертного дня дорожить дружбой с Луизой Бюссон-Дюморье.

Эллен Кларк подняла глаза от нот, которые раскладывала.

– Дружбу не скрепишь никакими клятвами, – заметила она. – Слишком часто я видела, как люди изменяют своему слову. Если бы тебе, Эжени, пришлось путешествовать столько, сколько мне, если бы ты тоже видела столько лжи и лицемерия, ты бы никогда не стала давать никаких клятв.

Эжени примолкла. Мисс Кларк – такая циничная особа. Вечно подавляет все чистые порывы. Ее темные глаза смотрят на вас с такой подозрительностью, с такой настороженностью, будто она постоянно ждет, что ее сейчас обидят, и готова на всякий случай первой нанести удар. Даже черты лица у нее какие-то воинственные – крупный нос, твердый вздернутый подбородок, а говорить неприятные вещи ей, похоже, доставляет удовольствие.

– Полагаю, вы считаете, что влюбиться – это глупость с моей стороны? – спросила девочка. – И вы сейчас скажете мне, что долго это не продлится, что муж быстро от меня устанет?

Эллен Кларк передернула сутулыми плечами и рассмеялась – смех ее портили какие-то неуловимые жесткие нотки.

– Я считаю, что ты поступила очень мудро, устроив свое будущее, – сказала она. – Не каждому повезет познакомиться с португальским аристократом.

Ее слова пригасили яркую радость; из них выходило, что брак по любви – это просто какая-то бездушная сделка, деловое соглашение между двумя заинтересованными сторонами; бедная Эжени в отчаянии заломила ручки, с мольбой глядя на обожаемую мадемуазель Бюссон: та наверняка сумеет разогнать тучи.

– Взаимное чувство между женой и мужем, если оно подкреплено общностью веры, может быть прекрасно, – высокопарно произнесла Луиза. – Мне трудно представить себе большее счастье, чем стоять на мессе рядом со своим избранником. Все земные радости меркнут перед единением в молитве.

Эжени кивнула в знак согласия и тут же утешилась, а Эллен Кларк, приглаживая тусклые завитки волос у зеркала, на миг запнулась, прежде чем ответить.

– Как я тебе завидую, – произнесла она наконец. – А меня так и не научили молиться. И поздно уже приобретать эту привычку.

– Молиться никогда не поздно, – тихим голосом проговорила Луиза.

Эллен еще раз передернула плечами.

– Ты просто не понимаешь, – сказала она. – Да и откуда тебе? К тебе вера во Всевышнего пришла естественно. Ты впитала ее с молоком матери, еще в колыбели. А я вдыхала совсем другое: чуток злобы, чуток лести, чуток обмана – вот что мне прививали. Никто не рассказывал мне о Боге. При мне это слово употребляли, только чтобы выразиться посильнее. В итоге я усвоила единственную религию: как жить своим умом.

Луиза с Эжени переглянулись, потом отвели глаза. Как это все-таки ужасно! И как печально. Между ними и Эллен Кларк лежит целая пропасть.

– Полагаю, вам очень одиноко, – робко предположила Эжени.

– Одиноко? Почему мне должно быть одиноко? У меня есть книги, есть арфа. В одиночестве мне куда приятнее, чем в обществе большинства людей, которых я знаю.

И она начала невозмутимо укладывать ноты в футляр. Луиза страдала душой за подругу. Как ужасно, как мучительно с такой холодностью и суровостью относиться к жизни! Какая страшная пустота ждет Эллен в будущем! Луиза решила, что поставит за нее свечку в церкви Святого Этьена, когда пойдет к благословению. А еще одну свечку поставит за Луи-Матюрена. Помолится, чтобы оба смягчились душой и обрели любовь к Господу. А еще она поставит святому Антонию Падуанскому свечу в благодарность за то, что он даровал Эжени мужа. Свеча будет дорогая, длинная, такие могут гореть целые сутки; не жалко за герцога Памелла...

Следующие несколько месяцев пролетели быстро, прошло совсем немного времени – и вот юная Эжени уже опирается на руку своего супруга, а в холодном январском воздухе торжественно звонят колокола собора Парижской Богоматери.

Церемония была великолепна; явилась половина парижской знати – посланники, дипломаты, *entourage*¹⁰ португальского посольства, даже представители королевского двора. Луиза, как Эжени и обещала, заняла место почетной гостьи и стояла рядом с невестой, когда высокие чиновники, военные в форме, графы и графини подходили к ней и приседали в поклоне.

Сколь истово они стремились с ней познакомиться, с мадемуазель Луизой Бюссон-Дюморье, лучшей подругой герцогини Памелла; сколь многие из них подняли бы брови в изумлении, узнав, что она – всего лишь преподавательница английского языка из небольшого частного пансиона.

Тем не менее их внимание было так лестно, что Луиза, презрительно относившаяся ко всему мирскому, все-таки зарделась от радости, когда услышала за спиной голос:

– Я всенепременно должен быть представлен подруге герцогини. Она самая очаровательная из всех присутствующих дам.

Голос был приятный; обернувшись не без застенчивости, Луиза увидела стройного белокурого молодого человека, который смотрел на нее с нескрываемым восхищением.

– Наберусь дерзости и представлюсь сам, – сказал он. – Палмелла мне сказал, что это не возбраняется. Мое имя Годфри Уоллес, я секретарь посольства. Мне сказали, что вы прекрасно говорите по-английски.

¹⁰ Сотрудники (*фр.*).

– Я родилась в Лондоне и провела там первые пятнадцать лет жизни, – ответила Луиза, улыбнувшись. – Надо быть полной глупышкой, чтобы после этого не уметь выразить свои мысли на их языке.

– Да, но я – шотландец, мадемуазель Бюссон, и у нас в Эре английский выговор куда чище, чем у этих лондонских кокни. Не могу не похвалить ваше произношение, оно безупречно. Возможно, вам известно имя моего отца, сэра Томаса Уоллеса? Он до недавнего времени жил в Лондоне.

– Я не бывала в Лондоне с пятнадцати лет, мистер Уоллес, а это было уже очень давно – как давно, даже думать не хочется.

– Вот вздор! Вы пытаетесь убедить меня, что вам больше двадцати трех лет, но я никогда в это не поверю. Мне сообщили, что ваш отец, мадемуазель, увы, уже на небесах, но что у него есть владения в Сарте. Ваша матушка сейчас проживает в фамильном замке?

Луиза сильно смутилась. Очаровательный незнакомец, похоже, не был осведомлен об истинном положении ее дел. При этом он был такой приятный, такой обворожительный, жалко было говорить ему правду, да и ни к чему...

– Нет, мы... проводим зиму в Париже, – произнесла она с запинкой. – У мамы небольшая квартира на улице Люн; вы вряд ли знаете, где это, – неподалеку от Королевского сада.

– А как сказывается жизнь в городе на вашем здоровье, мадемуазель? Вы прекрасно выглядите; впрочем, убежден, что это всегда так! Полагаю, вы в ближайшее время намерены посетить Португалию, чтобы погостить у герцогини в ее новом доме? Как это, наверное, приятно для молодой дамы – жить праздной жизнью! А вот мы, несчастные секретари посольства, трудимся не покладая рук.

Так он и болтал с ней совершенно очаровательным образом, рассыпая прелестные комплименты; ей не выдалось случая объяснить, что он совершенно ложным образом понимает ее положение, что она вовсе не светская дама, какой он ее считает.

Он выразил желание представиться ее матушке, а она ответила, ничуть не покривив душой, что мадам Бюссон это в данный момент было бы не очень удобно: она готовится к визиту в Гамбург, поедет навещать своего среднего сына Жака, который там работает; это навело разговор на других ее братьев – Роберт в Лондоне, Гийом скоро тоже отправится в Гамбург; ее новый знакомый порадовался, что у них есть семейное дело, а потом заявил, что горячо интересуется естественными науками и ему обязательно нужно познакомиться с Луи-Матюреном.

– Если вашего брата это не слишком затруднит, возможно, он как-нибудь вечером зайдет ко мне в пансион? – предложил он. – Ужинаю я в пять и буду чрезвычайно рад его видеть, если, конечно, ему это будет удобно.

Луиза обещала передать брату его слова, когда в следующий раз его увидит.

– А если у вас есть в Англии друзья, я с готовностью передам им письма, – продолжал молодой человек. – Мне это ровным счетом ничего не стоит. Почту у нас отправляют каждую пятницу.

Луиза вежливо отказалась; он слишком добр, сказала она.

День пролетел как на крыльях; Луизе показалось, что они едва начали разговор, а уже настало время прощаться: гости расходились, юная Эжени де Памелла махала ручкой из отъезжающей кареты; рядом сидел ее рослый супруг, юная герцогиня посылала подруге последние воздушные поцелуи.

– Как трогательно! – воскликнул очаровательный мистер Уоллес. – Время быстротечно, но любовь и искренность неизменны. Над искренней приязнью годы не властны. Знаете, мисс Бюссон, пожалуй эти слова станут моим девизом. Вам они нравятся?

«Как такое может не понравиться?» – подумала Луиза; он так верно понял, какую боль причиняет ей разлука с Эжени. Она промокнула глаза платком.

– Мне кажется, нам еще так многое нужно сказать друг другу, – пробормотал он, когда они прощались. – Искренне надеюсь, что мы познакомимся ближе. Позвольте ли написать к вам?

Кивая в знак согласия, Луиза, к собственному удивлению, зарделась, как девочка.

«Это просто нелепо, – говорила она себе, – он наверняка знает, что я его старше».

Это знакомство, эта долгая беседа так ее взбудоражили, что ночью ей почти не удалось заснуть; пришлось встать в три часа и сделать себе успокаивающее питье.

Через три дня она получила письмо, написанное твердым, размашистым почерком; она вскрыла его с легким трепетом, сердце билось быстрее обычного.

*Дорогая мисс Бюссон, я пишу, как и обещал, на адрес Вашей матушки, однако я навел справки и выяснил, что существует несколько улиц Люн; меня мучат опасения, что письмо может до Вас не дойти. Если бы Вы только представляли себе, очаровательная мисс Бюссон, как мне не терпится получить от Вас весточку, а еще лучше – увидеться с Вами вновь, Вы бы, полагаю, ни на миг не стали лишать меня этого удовольствия. Все мои помышления свелись к одному и сосредоточены на нашей новой дружбе. Сколько мне хочется сказать такого, что я не в силах выразить на письме! Умоляю, напишите ответ по получении, снимите с моей души тяжкий груз сомнений, сообщив, когда я могу надеяться Вас увидеть. Заручившись Вашим дозволением, я зашел бы к Вашему брату, раз уж ему некогда зайти ко мне. Тогда, по крайней мере, мне будет даровано счастье поговорить про мисс Бюссон и познакомиться с близким ей человеком. Я глубоко сожалею, что Ваша матушка покидает Париж, поскольку ее отсутствие явно омрачит радость от нашей с Вами встречи. И все же, мисс Бюссон, возможно, Вы позволите мне навестить Вас вместе с Вашим братом? Полагаю, в этом нет ничего зазорного. Если погода выдастся подходящая, мы можем погулять в Королевском саду; мне это будет в новинку, поскольку довелось побывать там лишь однажды. Однако я не стану настаивать ни на чем таком, что не вызовет одобрения у моего нового друга. Умоляю, ответьте поскорее и сообщите, каковы будут Ваши пожелания. От всей души желаю Вам, дорогая мисс Бюссон, здоровья и процветания, и позвольте подписаться следующим образом: искренне и всецело Ваш,
Годфри Уоллес,
пансион «Париж»,
бульвар Мадлен*

Луиза перечитала письмо пять-шесть раз; раздумываясь, сложила его наконец и засунула за корсаж. Пока длилась суeta, связанная с отъездом матери в Гамбург, у нее не было времени ответить, но, едва мать уехала, Луиза отправилась в квартиру Кларков в квартале Отей, чтобы посоветоваться с Эллен.

Подруга ее, как всегда, сидела в первой гостиной, склонившись над своей арфой: плечи от этого ссутулились еще сильнее, и, хотя она и была еще совсем молода, во внешности ее было что-то от ведьмы: длинный нос, заостренный подбородок, неопрятные кудри обрамляют впалые щеки – верное дело, нечисть. Руки, однако, у нее были невероятно проворные, и, войдя в комнату, Луиза сразу заслушалась, пораженная, как всегда, печальной проникновенностью каждой звучащей ноты. Какие все-таки у Эллен волшебные пальцы, подумала она, как странно, что, дергая струны, она может вызывать из них такие нежные мелодии и сама забываться в звуке. Пока она играла, характер ее смягчался, и когда Эллен подняла на Луизу взгляд, в ее суровых карих глазах засквозила теплота, тонкие губы распустились в улыбке – то была уже не

мрачная ведьма, колдующая над своим зельем при неверном свете очага, а молодая женщина, которая была бы очень привлекательна, улыбайся она почаще, была бы грациозна, если бы расправила спину, женщина, которая, несмотря на напускную язвительность, протянула руки навстречу подруге и поприветствовала ее горячим поцелуем.

– Мама спит, – сообщила она, бросив взгляд на кушетку перед камином. – Можем тихо поговорить прямо здесь, она не проснется. Она всегда засыпает после стакана портера, если я минут пять поиграю. У нее до сих пор только и разговоров что о венчании. У нас теперь так редко бывают гости, мы мало выезжаем; словом, любое подобное событие способно ее взволновать.

Луиза сочувственно пожала подруге руку. Она отчетливо помнила, как выглядела мадам Кларк на приеме на улице Сент-Оноре: разодетая нелепее обычного в крикливый зеленый атлас, окруженная толпой престарелых ловеласов – бывший посланник, генерал французской армии, седовласый маркиз с моноклем, опиравшийся на палку. Их громкий хохот привлек внимание других гостей, пожилой маркиз внезапно заметил это и сильно покраснел, а мадам Кларк, не обращая внимания на то, какое впечатление производит, все продолжала рассказывать – визг ливым голосом, с жутким выговором – «une petite his toire, mon cher marquis, d'une première nuit de pose»¹¹.

Вышло крайне неловко, все вокруг сконфуженно переглядывались.

– Я хочу рассказать тебе, что случилось на свадьбе, Эллен, – начала Луиза, немного поколебавшись, после чего, робея, пересказала, как познакомилась с Годфри Уоллесом; по мере рассказа решимость ее крепла, и в конце она с легким смущением вытащила из-за корсажа его письмо. – Видишь, – сказала она, – судя по всему, он хочет видеть меня снова, а я, право же, не знаю, как ему отказать, он выражает свои мысли так, что я...

– Известно тебе, каковы его жизненные обстоятельства? – оборвала Эллен. – В конце концов, это и есть самое важное. Вряд ли секретарь посольства зарабатывает больше трех-четырех сотен в год.

– Просто не представляю, как это выяснить, не попав в неловкое положение, – призналась Луиза.

– Но тебе необходимо об этом знать, если ты намерена продолжать знакомство, – отрезала Эллен. – Не исключено, что у него есть еще и собственный доход. Ты говоришь, он сын сэра Томаса Уоллеса из Эршира? У них наверняка есть там какие-то владения. Не смущает ли тебя перспектива переселиться в Шотландию?

– Эллен, милая, да мне ничего такого и в голову не приходило! Мы всего лишь раз виделись с мистером Уоллесом.

– Ну, если вы виделись всего один раз, выражения он в письме употребляет весьма недвусмысленные. Говорят, одно венчание всегда ведет к следующему, а вы познакомились на свадьбе у Палмелла. Если он близкий друг герцога – он ведь дал тебе это понять, да? – это само по себе служит определенной гарантией. Тем не менее я бы на твоём месте проявляла крайнюю осмотрительность. То, что он сын баронета, еще отнюдь не означает, что он богат.

– Должна признаться, меня не очень волнуют его жизненные обстоятельства. Я не стремлюсь выйти за богатого, и ты, милая Эллен, это прекрасно знаешь. Я исхожу из того, что многого ждать от жизни не приходится. Но он был со мной просто обворожителен и чрезвычайно учтив. Вынуждена сознаться, что с удовольствием повидалась бы с ним еще.

– Я уверена, что ты сумеешь это устроить. Я бы, безусловно, действовала очень осторожно; но я, как известно, сдержанна по натуре, а подозрительность – мой жизненный принцип. Будь по-моему, каждый мужчина при знакомстве предъявлял бы мне готовое досье: «Происхождение такое-то, виды на будущее такие-то, можете образовывать меня, если пожелаете».

¹¹ Занятная байка, мой дорогой маркиз, про первую брачную ночь (*фр.*).

В этом случае дамам высокого происхождения, таким как мы, Луиза, не пришлось бы терпеть общество всяких выскочек и общаться с простолюдинами, просочившимися в приличное общество.

– Было бы, конечно, неплохо, но увы... Мы живем в век дурного воспитания, Эллен. Мама моя часто рассказывает о том, какова была Франция до революции, и проводит сравнения с нынешним положением дел. Теперь везде такая пошлость, все совсем не так, как было в ее мо лодости. А главная беда в том, что приличного общества попросту не существует. Нынешние титулованные особы получили титулы при Империи, а до того были лавочниками. Чего от них ждать, кроме пошлости и дурных манер?

– Было крайне приятно посмотреть на герцога Памелла, – согласилась Эллен. – Полагаю, их род существует в Португалии уже не одно столетие. *Ça se voit*¹². Он так отличается от всякой аристократической мелюзги, съехавшейся на венчание. Ты права, во Франции не осталось подлинной аристократии.

– Думаю, именно поэтому меня так очаровал мистер Уоллес. Мне всегда казалось, что в шотландцах есть «нечто» – трудно выразить это словами. У них такое прошлое, такая история, все в ней так... мм... романтично. Волынки, килты. Мы однажды слышали волынки в Лондоне. Я это запомнила на всю жизнь. И с тех пор просто обожаю Шотландию. Как обидно, Эллен, что Стюарты более не занимают английский престол. Нынешняя ваша королевская семья лишена утонченности.

– Это для меня новость, – холодно проронила Эллен.

– Ну как же, о них ходят такие слухи... эти ужасные братья¹³ пьянствуют, дебоширят, а уж о морали и говорить не приходится.

– О людях высокого происхождения всегда распускают сплетни, Луиза. Лично я не могу сказать о Брауншвейгах ничего зазорного.

Луиза взглянула на подругу с изумлением. Та сидела на стуле очень прямо, сжав губы, высоко подняв подбородок. Судя по виду, она была оскорблена. Луиза пожалела, что подняла эту тему. Какие все-таки странные эти англичане! Порицание в адрес королевской фамилии Эллен, по всей видимости, восприняла на свой счет.

– Быть королем, наверное, так тяжело, – произнесла Луиза тактично. – Такая ответственность, так трудно не потерять голову.

– Да, вон Людовик Шестнадцатый выяснил это на собственном опыте, – долетел с кушетки заспанный голос, – причем свою голову он потерял в корзине – такое не всякий сумеет повернуть!

Подруги дружно вздрогнули, Эллен тут же вскочила на ноги.

– Мама, я думала, ты спишь! – воскликнула она. – Ты давно проснулась?

Атласное покрывало отлетело в сторону, и маленькая ножка замелькала в воздухе, приветствуя Луизу.

– Как жизнь, дорогуша? Я всегда рада вас видеть. Выглядите просто очаровательно. Что вы там говорили про любовь к шотландским килтам? Я знаю одну смешную историю про килт, вот только боюсь ее рассказывать при Эллен. В него случайно впился репей... дальше можете сами домыслить. Попроси Густава принести лампы, Эллен. Я хочу встать.

– Ты еще не отдохнула, – возразила дочь.

– Отдых? Какой вздор! Мне надоело пролеживать спину. Посади меня и поправь подушки. Да, так лучше. Теперь я вас обеих вижу. Какой же у вас надутый вид! Можно подушать, вы тут цитируете Священное Писание, а не обсуждаете молодого человека и его килт. Я с

¹² Это сразу видно (*фр.*).

¹³ Речь идет о многочисленных сыновьях английского короля Георга III (1738–1820); с 1811 г. Георг III был признан недееспособным, и страну возглавил его старший сын, провозглашенный принцем-регентом (с 1820 г. – король Георг IV). Начиная с Георга I (с 1714 г.) на британском троне находятся представители Ганноверской династии – ветви Брауншвейгского дома.

вами совершенно согласна: килт украшает мужчину. Не понимаю, почему их так редко носят. Нам бы уж точно было меньше хлопот.

Она затряслась от хохота, а разбуженная собачонка вскочила на хилые лапки и затыкала.

– Замолчи, Лулу а то леденца не получишь. Ты моя лапушка! Тявкни за Бони, давай. Умница. Она по-прежнему тявкает за Бони, хотя бедняга уже сколько лет как в могиле... Раскажите про своего молодого человека, Луиза. Мне просто не терпится послушать.

Эллен выразительно взглянула на подругу. «Выбирай выражения, – словно говорили ее глаза, – а то она тебя в покое не оставит».

Луиза улыбнулась мадам Кларк ясной улыбкой. Жуткую старуху придется удовлетворить.

– Мы разговорились на свадьбе Памелла, – сказала она. – Эллен со мной согласна: высшее общество переменялось к худшему. Я отметила учтивые манеры некоего мистера Годфри Уоллеса, которого мне представили. Приятно встретить воспитанного человека.

– Куда как приятно, особенно если он в килте! А он вам не жаловался на сквозняк в соборе?

– Мама, ты просто отказываешься понимать, что тебе говорит Луиза, – досадливо произнесла Эллен. – И речи не было о том, чтобы мистер Уоллес пришел в килте. Он секретарь посольства и, судя по всему, сын баронета, сэра Томаса Уоллеса, владельца поместья в Эршире.

– Заливает небось, а то я не знаю шотландцев, – прокомментировала мадам Кларк. – Наверняка все поместье – коровник и каменоломня. Бесстыжие они все, эти шотландцы. С ними лучше не связываться. Кто, говоришь, его отец?

– Сэр Томас Уоллес, ныне проживает в Лондоне.

– Никогда о таком не слышала. Но если хотите, наведу справки. Фладгейт, мой поверенный, все выяснит. У меня, знаете ли, остались в Лондоне глаза да уши. От меня не скроешься.

– Благодарю вас, мадам, но, право же, не стоит. Скорее всего, я больше никогда не увижу мистера Уоллеса.

– Жалко лишиться ухажера, если он вам понравился. Помню, на Глостер-плейс, когда в доме с утра до ночи толкались офицеры – ни у единого ни гроша за душой, – мы так хохотали, развлекались, а какие устраивали переодевания! Мой брат, капитан Томсон, умел повеселиться! Никогда не забуду, когда они с двумя друзьями по полку напялили мои юбки и капоры и пошли гулять по Воксхоллу, а я надела его форму и стала к ним приставать! Никто так и не понял, что это лицедейство. Мы чуть не померли со смеху. А вот Джордж ни на что подобное не способен, Эллен! Он скорее застрелится!

– Хотелось бы надеяться.

– Фу-ты ну-ты! Вы с Джорджем оба такие зануды. А иногда развеяться очень даже полезно. Не слушайте ее, Луиза. Захочется – развлекайтесь всласть со своим шотландцем, а главное – покрепче хватайтесь за его кошелек. Как опустеет – отправляйте на все четыре стороны. Ни к чему хранить дохлую рыбу.

Какие она нелепости говорит, подумала Луиза. Какая невозможная женщина! Бедняжка Эллен!

– Вряд ли мистери Уоллесу понадобится его кошелек, – произнесла она. – Если мы и встретимся, то только ради того, чтобы прогуляться в воскресный день по Королевскому саду.

– Да какой смысл ходить в такое место? Там все на виду. Одни кусты, даже деревьев нет. Поезжайте в Версаль. Вот в Версале уж лес так лес.

– Маменька, но как может Луиза поехать в такую даль в обществе незнакомого мужчины? А Королевский сад всего в нескольких минутах ходьбы от ее квартиры на улице Люн.

– А, я поняла. Очень ловко. Дом прямо за углом. Притворитесь, что у вас кружится голова. Необходимо прилечь. Молодой шотландец предложит свою помощь. В квартире никого. Прислуга отпущена. Удобная кушетка. А о прочем природа позаботится... Черт побери, Луиза, какая же вы безобразница!

Мадам Кларк усмехнулась и с укоризной наставила палец на дочкину подругу. Луиза почувствовала, что ей пора уходить. На лице Эллен отражалось привычное неодобрение, почти никогда не сходившее в присутствии матери, на высоких скулах рдели красные пятна, губы были крепко сжаты. Луиза переживала за нее от всей души. Она встала со стула, пробормотала, что час, мол, уже поздний, понимая при этом, что Эллен не обманешь. Слишком многие посетители стремительно покидали этот дом из-за миссис Кларк. Когда Луиза выходила из комнаты, из глубин кушетки до нее донеслось хихиканье, а потом – голос, пробормотавший нечто чудовищное касательно килта и кактуса. Домой она вернулась, приняв твердое решение, и в тот же вечер написала мистеру Годфри Уоллесу письмо на его адрес в пансионе «Париж».

Три дня спустя, воскресным днем, когда Луиза готовилась провести еженедельный выходной за спокойным чтением Жития святого Франциска, а сестра ее Аделаида занималась незамысловатым рукоделием, дверь распахнулась и в комнату без всякого предупреждения вошел Луи-Матюрен, а почти сразу следом за ним – секретарь посольства. Обе барышни вскрикнули в замешательстве, а их брат – судя по всему, он был в великолепном расположении духа – взял руководство на себя и поднял руку, призывая всех к молчанию.

– Хочу представить вам обоим своего нового друга Годфри Уоллеса, – возвестил он. – С нынешнего дня мы решили поселиться вместе. Познакомились мы только вчера, но уже дали клятву в вечной дружбе. Уоллес разделяет мое мнение, что существует единственное божество и имя ему – наука. Мы до четырех утра беседовали о звездах. Уоллес, друг мой, присядь. Квартира у моей матери скромная, но достойная. *Bon gentilhomme n'a jamais honte de la misère*¹⁴.

Луиза поняла, что брат ее нынче в театральном настроении: он приложил руку к сердцу, закинул голову назад и без всяких просьб готов был заливаться песней. Его абсурдное поведение сняло со всех скованность, и вскоре Уоллес уже был рядом с ней, в глазах его светилось бесконечное обожание, а пальцы касались книги, которую она отложила.

– Как я почитаю святых! – начал он без паузы. – Будь у меня нужное мужество, я попытался бы повторить подвиг святого Франциска, но увы! плоть слаба. Я, как вы и пожелали, посетил вашего брата, и должен поздравить вас с таким родством. Какое великолепное чувство юмора, какой жизнерадостный темперамент! А ваша сестра – какая она на вид тихоня! Как очаровательно познакомиться с семейством, которое настолько лишено ложной гордости, что, наезжая в Париж, живет совершенно так же, как парижские обыватели, – *comme les bourgeois*¹⁵, как вы это называете! Полагаю, что контраст с замком Морье сильно вас забавляет!

Луиза неуверенно улыбнулась, мысли ее неслись вскачь. Возможно ли провести несколько часов в обществе Луи и так и не понять, каково их истинное положение?

– Боюсь, вы склонны нас возвеличивать, и совершенно напрасно, – произнесла она нервно. – На деле же мы люди очень скромные.

Уоллес игриво покачал головой:

– А ваша подруга герцогиня Палмелла – тоже очень скромная, да? Нет, мадемуазель Бюссон, вы просто из тех добросердечных людей, которые не смотрят свысока на простых секретарей вроде меня. Будь я герцогом, вы вели бы себя точно так же. Ваш брат уже сообщил мне, что всеми хорошими своими свойствами он обязан вам. Какая у вас душа!

Луиза вспыхнула, рассмеялась. Переубеждать мистера Уоллеса, право же, не было никаких сил. Небольшая компания решила прогуляться в Королевском саду, и все четверо двинулись в путь, Луиза и Уоллес слегка приотстав, поскольку Луи-Матюрен шагал чрезвычайно размашисто, а сестра его Аделаида была еще достаточно юна, чтобы восхищаться этим и пытаться ему подражать.

¹⁴ Истинный джентльмен не стыдится нищеты (*фр.*).

¹⁵ Как буржуа (*фр.*).

Уоллес предложил Луизе руку, и она оперлась на нее не без внутреннего трепета, сообщив, что никогда не ходила под руку ни с кем, кроме брата. Ощущение оказалось очень приятное, даже чудное.

– Надо думать, семья ваша страшно пострадала во время Террора, – заговорил сочувственным тоном мистер Уоллес. – Ваш брат рассказывал, что родители ваши вынуждены были ради спасения бежать в Англию и что все вы родились там – то есть в изгнании. Как я вам сочувствую!

– Да, родителям, видимо, пришлось нелегко, – подтвердила Луиза. – Но что до нас, грех жаловаться. Мы всегда считали Англию своим домом. И братья, и мы с сестрой были там очень счастливы и не знали никакой другой жизни.

– Ваш брат сообщил мне, что по возвращении во Францию их покойное величество Людовик Восемнадцатый почтил вас денежным вспомоществованием?

– Да, но это такая мелочь, которая не имеет особого значения.

– Для вас, возможно, нет, мисс Бюссон, но любому другому человеку, убежден, эта сумма показалась бы более чем значительной. Например, мне, бедному шотландцу!

– Мне трудно сказать. Я ведь не знаю ваших жизненных обстоятельств.

– Как бы мне хотелось показать вам наше родовое гнездо в горной Шотландии! Я уверен, тамошние дикие пейзажи воспламят ваше чувствительное воображение.

– А лорд Томас делит свое время между Шотландией и Лондоном?

– Нет, не то чтобы... Я хотел сказать, что здоровье его оставляет желать лучшего. Воздух в Шотландии сыроват. Он... гм... он в основном живет в столице, полагаю.

– Вы давно с ним не виделись?

– Увы, очень давно! Я тут прикован к своему рабочему табурету. Мы не свободны распоряжаться своим временем, как вы, мисс Бюссон.

– Я прикована не меньше вашего, – проговорила Луиза, набравшись храбрости и решимости. – Луи разве не объяснил вам, что я преподаю английский язык в пансионе?

– Да, объяснил. Какая дивная причуда! Меня это очень позабавило. Он дал мне понять, что праздная жизнь вам несносна. Как бы я хотел быть вашим учеником! Я бы очень прилежно учился, честное слово.

Луиза вздохнула. Переубедить его казалось невозможно. Она не раз слышала, что упрямство – национальная черта шотландцев.

При этом она не могла отогнать от себя мысль, что Луи-Матюрен, как и она сама, представил их положение в избыточно радужном свете, что они оба совершили один и тот же нехитрый обман и развязаться с ним будет чрезвычайно трудно.

Годфри Уоллес был к ней неравнодушен – это было очевидно всем, даже прохожим. Он следовал за ней как тень, не сводил взгляда с ее лица и время от времени тяжело вздыхал, будто бы от удушья.

Он обращался к ней «милый друг», «милая спутница» – это сильно ее смущало, он снова и снова высказывал желание видеться с ней почаще, два-три раза в неделю, если только она даст свое дозволение. Это, разумеется, ей льстило, но одновременно внушало некоторую тревогу: выглядело все почти так, будто он имеет на нее определенные виды, а она до этого момента никогда даже и не помышляла о замужестве.

Когда, после ужина, он наконец-то откланялся, жалобно и настойчиво умоляя ее писать, в голове у нее царил такой сумбур, что ей едва не сделалось дурно. Даже Луи-Матюрен, который обычно витал в облаках и не видел никого, кроме себя, заметил, как она раскраснелась.

– Я очень сильно переживаю, – решила она поделиться с ним сокровенным, – из-за того, что мистер Уоллес явно заблуждается относительно нашего положения. Что, скажи, ты дал ему понять?

Луи-Матюрен зевнул – верный знак, что совесть у него не до конца чиста.

– В чем ты меня обвиняешь? – сказал он. – Я ничего такого не говорил, только упомянул, что семья наша всегда принадлежала к убежденным легитимистам¹⁶, что нам принадлежит замок в Сарте, ну и еще пару подобных вещей. Да, замка более не существует, я даже собирался ему об этом сказать, но он сменил тему разговора, а потом я об этом забыл. Судя по всему, он славный малый и у него много влиятельных знакомых. Я подумал, он сможет представить меня кое-кому... я, как ты знаешь, усердно работаю над своим изобретением, и он проявил к нему интерес. Я решил, что совершенно невредно этот интерес раздуть. Луиза, а ты-то чего от него нос воротишь?

– Напротив, он мне по душе. Очень по душе. Вот только я боюсь, что он в нас разочаруется.

– Дорогая моя сестричка, когда я доведу свое изобретение до ума, нам не о чем будет больше тревожиться. Мы прославимся. И ты первая полетишь со мной в ракете на Луну.

Он притянул ее к себе на колени и поцеловал, смеясь над хмуростью ее лица, а потом встал со стула, потянулся, откинув назад кудрявую голову, вскинул длинные руки и запел от одной только радости жизни, оттого, что был молод, беден и полон сил. Мощный голос лился свободно, без всяких усилий, поднимаясь все выше и выше, пока не перешел в шепот, бесконечно нежный, от которого сердце его сестры почему-то сжалось болью. А потом Луи махнул ей рукой и, нахлобучив шляпу на каштановые локоны, вышел, тут же забыв и про нее, и про свои мелкие долги, и про свою ложь, и про данный ему Господом дар красоты, думая об одних только пламенных мирах космоса и сумасшествии звезд.

В следующее воскресенье Годфри Уоллес зашел снова и, едва переступив порог, упал на колени перед Луизой и попросил ее руки. Едва соображая, что делает, она, запинаясь, дала свое согласие, и в тот же миг он подхватил ее, прижал к сердцу и осыпал поцелуями, бормоча, что теперь он – счастливейший человек на земле и жизнь его отныне в ее руках.

Он настаивал на том, чтобы обвенчаться сразу же, незамедлительно. Всякое промедление страшнее пытки. Однако Луиза осталась тверда. Придется выждать, сказала она, до того, как мать ее даст свое согласие и вернется из Гамбурга. Последующие несколько недель прошли будто в странном сне. Луиза не могла поверить, что она – ей ведь уже было за тридцать, – ни разу до того не получавшая предложения руки и сердца, обожаема и боготворима молодым человеком, которому на несколько лет меньше, чем ей; что скоро она будет невестой, как Эжени де Палмелла.

Будто в лихорадке она отправила письма старшему брату в Лондон, матери в Гамбург, Эжени в Лиссабон; будто в забытии готовила себе приданое.

Денежные вопросы они с будущим мужем так и не обсудили, но она пыталась гнать от себя темную тень сомнения. Успеется после возвращения матери.

Однажды она все-таки попробовала навести разговор на эту тему: упомянула о своем скромном приданом, о ежегодной пенсии, назначенной семейству покойным королем, – это, мол, все, что у нее есть и что она в состоянии ему принести, а он улыбнулся, прижал ладонь к ее губам и сказал:

– Неужели ты думаешь, что я ждал большего?

Это ее успокоило; видимо, он все-таки правильно понимает ее жизненные обстоятельства.

Она была столь околдована и восхищена своим будущим мужем, что даже мысль о венчании в реформатской церкви не слишком терзала ей душу. Эллен Кларк совсем перестала понимать свою подругу. Уж она-то никогда не позволит себе так увлечься. Это совершенно неразумно, на грани неприличия. Кроме того, она боялась, что через несколько недель заму-

¹⁶ Т. е. к роялистам – приверженцам свергнутой в ходе революции династии Бурбонов.

жества Луизу постигнет горькое разочарование. В этих делах мужчины все одинаковы. Это она знала твердо, переварив достаточное количество материнских разговоров. С виду мистер Годфри Уоллес вполне достойный человек, да и манеры у него благовидные, но вот она уж точно никогда не желала бы себе подобного мужа. Слишком высокопарный, а галантность его кажется – ей, по крайней мере, – слегка наигранной.

Впрочем, при Луизе она об этом даже не заикалась. К советам Луиза была глуха. Ее Годфри – образец всех совершенств. У ее Годфри нет ни единого недостатка. Интересно, что она станет говорить год спустя?

Миссис Кларк он совершенно обворожил.

– Какая внешность! – восклицала она. – Какая в этих зеленых глазах интрига! Он очень напоминает мне Фолкстона. Ты его не помнишь, Эллен. Но брови он поднимает один в один, и та же улыбка уголком рта. Скажи Луизе, пусть глаз с него не спускает до того момента, как он наденет ей кольцо на палец. Знаю я этих зеленоглазых. Скользкие штучки, так и норовят сбежать из-под венца. Впрочем, полагаю, ей в этом случае что-то причитается. Что написано в брачном договоре?

– Я со слов Луизы поняла, что никакого договора не существует.

– Никакого договора? Да она не в своем уме! – Миссис Кларк явно опешила. – Ты хочешь мне сказать, что Луиза очертя голову бросается в брак, ничего для себя не выгадав? Без договора она его ни за что не удержит. В жизни ни о чем подобном не слыхивала!

– Я тоже считаю, что она поступает крайне неосмотрительно, – согласилась Эллен, – но Луиза пребывает в столь сильном возбуждении, что не слушает решительно никого, кроме своего ненаглядного мистера Уоллеса.

– Ничего, поживет несколько недель в браке – одумается, – рассудила миссис Кларк. – Лучший способ прочистки организма. Не хуже слабительного. Тебе бы это тоже не повредило, Эллен. Почему бы и тебе не найти молодого человека, который бы в тебя влюбился?

– Благодарю, но я вполне довольна своей нынешней жизнью.

– Слишком уж вы с Джорджем оба здравомыслящие. Он, полагаю, живет в своей Индии монашеской жизнью, благослови его Господь.

Она поцеловала руку, прижала к миниатюрному портрету сына, улыбнулась улыбкой, полной материнской любви, потом принялась ласкать собачонку и про Джорджа забыла.

За два дня до предполагаемого возвращения мадам Бюссон от нее пришло из Гамбурга письмо, в котором она писала, что у Жака корь и она никак не может его оставить, пока он полностью не оправится. Были опасения, что Гийом, только что прибывший в Гамбург, тоже мог заразиться.

Луиза настаивала на том, чтобы отложить свадьбу, но Уоллес и слышать об этом не хотел, он побледнел и разнервничался от первого же намека и заявил, что ожидание и так вымотало его до предела и, если ему придется еще неделю ждать соединения со своей обожаемой Луизой, он не отвечает за свой рассудок. Польщенная и поколебленная этой волной обожания, невеста пошла навстречу его пожеланиям, и 14 апреля 1830 года в Швейцарской реформатской церкви состоялась брачная церемония. В реестре была сделана следующая запись:

Lundi, quatorze avril, mil huit cent trente.

GODFREY WALLACE, secrétaire, né à Craigie, comté d'Ayr en Écosse, fi ls majeur de Sir Thomas Wallace, baronet, et de Rosina Raisne, son épouse; et LOUISE BUSSON DU MAURIER, née à Londres, fi lle majeur du feu Robert Busson du Maurier et de Marie-Françoise Bruère, son épouse; ont reçu la bénédiction nuptiale

par le ministère de Jean Monod, ministre du St. Évangile, et l'un des pasteurs de l'église réformée consistoriale du département de la Seine séante à Paris, soussignée.
(Signé) J. MONOD, Pr.¹⁷

Во время церемонии Луиза отвечала на вопросы священника как во сне. Неужели, гадала она, все это правда? Неужели она теперь – мадам Уоллес? Она чувствовала на пальце кольцо, такое новенькое и блестящее, она поднимала глаза на своего рослого мужа, который, после того как церемония наконец состоялась, утратил всю свою нервозность и выглядел собранным и спокойным.

«Бедняга до самого конца не был во мне полностью уверен», – подумала Луиза и, поймав в зеркале свое отражение, невольно подивилась, как она изумительно выглядит: золотистые волосы уложены в свободные локоны, белая вуаль откинута назад. Почти как монахиня, дающая нерушимый обет; она подумала, что бы чувствовала, если бы стала не женой Годфри Уоллеса, а невестой Христовой.

Прием, отчасти по причине отсутствия мадам Бюссон, отчасти по желанию самой Луизы, был скромным; даже миссис Кларк не дали ни времени, ни возможности сказать какую-либо непристойность, просто подняли бокалы за здоровье молодых, после чего мистер и миссис Годфри Уоллес отправились в пансион «Париж» в округе Мадлен, где намеревались временно поселиться.

Счастливая пара отужинала в пять вечера; за едой Луиза заметила, что муж ее опять начал нервничать. Ел он мало и время от времени оборачивался через плечо, точно боялся, что трапезу их прервут.

– Тебе нездоровится, любовь моя? – спросила молодая жена, но он тут же заверил ее в обратном, сославшись на легкую головную боль, вызванную волнениями этого дня.

Отужинав, они поднялись к себе, и Луиза, которую несколько страшил переход к следующему этапу супружеской жизни, начала, чтобы выгадать время, распаковывать свои вещи и развешивать их в шкафу – более всего чтобы набраться храбрости; муж же ее расхаживал по комнате, погрузившись в задумчивость и сцепив руки за спиной.

Наконец он остановился перед ней, взял ее руки в свои и заговорил тоном глубочайшего замешательства.

– Любимая моя жена, – произнес он, запинаясь, – я даже не знаю, как тебе это сказать... я так взволнован. Боюсь представить, что ты обо мне подумаешь. Но суть дела такова. У меня... временные денежные затруднения. Неудачная сделка... то одно, то другое... жизнь в посольстве... короче говоря... словом, я хочу, чтобы ты поняла: у меня нет никаких средств, чтобы тебя содержать. В эту самую минуту в кармане у меня менее ста франков.

Луиза уставилась на него в полном замешательстве. Хочет ли он этим сказать, что ему нечем заплатить за их проживание в пансионе, даже за их ужин?

– Я не вполне понимаю, – сказала она. – Ты имеешь в виду, что у тебя нет денег заплатить за пансион? Неужели нам не поверят в долг до того момента, как у тебя появятся деньги?

Он вспыхнул и улыбнулся, вконец смущенный:

– Ах, но в этом-то и заключается главная беда. Откуда они у меня появятся? Глубокая любовь к тебе, дражайшая моя Луиза, заставила меня пойти на невинный обман. Я ужасно боялся тебя потерять, а знай ты правду, ты бы непременно меня оттолкнула. Обожаемый мой ангел, уж лучше признаться во всем прямо сейчас: я совершенно нищ. Отец лишил меня

¹⁷ Понедельник, четырнадцатое апреля тысяча восемьсот тридцатого года. Годфри Уоллес, секретарь, уроженец Крэга в графстве Эр в Шотландии, старший сын сэра Томаса Уоллеса, баронета, и Розины Рейсн, его супруги, и Луиза Бюссон-Дюморье, уроженка Лондона, старшая дочь покойного Робера Бюссона-Дюморье и Мари-Франсуазы Бруэр, его супруги, были обвенчаны Жаном Моно, священником церкви Сен-Эванжиль, и одним из пасторов реформатской консисториальной церкви департамента Сена, расположенной в городе Париже, что скреплено подписями. (Подписал) Ж. Моно, священник (*фр.*).

наследства пять или шесть лет тому назад. У меня нет ни су. Мне остается только уповать на твою щедрость.

Луиза взглянула на него в крайнем замешательстве:

– Но, Годфри, чем же я могу тебе помочь? Моего скромного годового дохода на двоих не хватит.

– Но ты ведь так ловко умеешь вести денежные дела, ты справишься! Вкусы у меня скромные. Мы прекрасно заживем. Одно плохо – я, такой мерзавец, буду во всем зависеть от тебя. Однако, когда замок ваш будет полностью восстановлен, я уверен, твой брат нас не оставит и даст мне должность управляющего на фабрике. А до тех пор пенсия, которую ты получаешь от государства...

Жена его страшно побледнела. Опустившись на стул, она сжимала и разжимала руки.

– Боюсь, ты заблуждаешься, – выговорила она наконец. – О том, чтобы восстановить замок, нет и речи. Еще до того, как мы вернулись во Францию, он перешел в другие руки. Я даже не знаю, где он находится. Отцу не удалось его вернуть, во всех этих делах царила страшная неразбериха. Мой отец скончался в Туре в полной нищете. Мама получает небольшое вспомоществование от своей семьи, которая проживает в Бретани, на него мы и живем. А чтобы ей помочь, я стала преподавать английский в пансионе.

Уоллес побледнел не меньше жены. В глазах, устремленных на нее, стоял ужас.

– Но твоя ежегодная пенсия, – проговорил он. – Пенсия, которую тебе назначил Людовик Восемнадцатый?

– Я пыталась тебе об этом сказать! – вскричала она в отчаянии. – Это всего лишь формальное признание наших заслуг. Двести франков в год.

– Двести франков в год?! – загремел он.

Она кивнула, до смерти перепуганная выражением его лица.

– Но мне со всех сторон твердили, что ты – богатая наследница! – выкрикнул он. – Мадемуазель Бюссон-Дюморье, владелица поместий в Сарте, получающая именную пенсию от покойного короля. И брат твой дал мне понять то же самое. Вернее, не отрицал. А твоя дружба с герцогиней Палмелла – как ты это объяснишь?

– Она была моей ученицей в пансионе, я преподавала ей английский, и она ко мне сильно привязалась.

Он зашатался, будто получив удар по лицу.

– О боже мой, боже мой! – простонал он, а потом разрыдался как ребенок.

Присев на кровать и уронив лицо в ладони, он раскачивался взад-вперед.

Она безмолвно села с ним рядом, время от времени переглаывая от страха, опустив стиснутые, повлажневшие ладони на колени.

А потом он встал и вышел. Она подумала, что он, быть может, пошел за стаканом воды, и осталась сидеть, каждый миг ожидая его возвращения.

Но он не вернулся. Она выслушала, как на башне пробило полночь, потом час, два, три, и все сидела, прямая как палка, сложив руки, устремив лицо к двери.

Она пыталась представить себе его лицо, но картина не складывалась. Черты уже расплылись, краски поблекли. Помимо ее воли перед ней всплывало другое лицо – лицо ее брата Луи-Матюрена; он хохотал над нею из темноты, бездумно и беззаботно, и каштановые кудри падали на бессовестные голубые глаза.

6

Еще три дня Луиза втайне оставалась в пансионе, ничего не сообщив родным и друзьям, обманывая себя мыслью, что Годфри Уоллес вернется. На четвертый день у управляющего появились подозрения – он еще не видывал, чтобы молодая жена проводила первые дни медового месяца в одиночестве, – и он потребовал оплатить счет за комнату. Былое подобострастие с него слетело, и он позволил себе самые непристойные намеки, а потом заявил Луизе в лицо, что ее бросили и что такова доля всех женщин, которые выходят за мужчин моложе себя. Луиза, почти сломленная, собрала остатки мужества и начала складывать одежду, которую так беззаботно вешала в шкаф четыре дня назад. Она не привыкла к оскорблениям, и жестокие слова управляющего поразили ее в самое сердце, оставив неизгладимый след. При этом она не могла не сознавать, что в них есть доля правды. Причиной трагедии стала ее греховная гордыня. Она дала Годфри понять, что владеет землями и состоянием, и он, будучи беден, ухватился за такую возможность и завоевал ее сердце лстивыми словами – она не должна была этого допускать.

Он никогда ее не любил. Это стало ей совершенно ясно. Он вообразил, что она богата, и позарился на ее деньги. Будь у него в сердце хоть капля приязни, он не бросил бы ее в первую же ночь после венчания. Она готова была простить ему ложь и обман, готова была простить выражение его лица в тот момент, когда он узнал, что она не богаче его; но это последнее оскорбление – нет, этого она не простит никогда. Жена, покинутая в брачную ночь! Она никогда больше не сможет поднять голову. Как станут переглядываться ученицы в пансионе, как высокомерно глянет на нее директриса! А миссис Кларк – Луиза так и слышала ее сочный, залиvistый смех, ее грубые шутки; видела, как та грозит пальцем, качает головой, видела жалость в глазах Эллен и одновременно поджатые губы: «Я же тебя предупреждала!» Какой позор! Мука и горечь, которые останутся с ней до смертного часа.

Когда она собралась, управляющий подал ей счет на шести страницах – мистер Уоллес, утверждал он, давно уже задерживал плату за постой; чем спорить, Луиза уплатила сполна из своих скромных сбережений. А потом она наняла фиакр и отправилась в монастырь в Версале, где у нее были знакомые монахини и куда она часто ездила отдохнуть душой.

Они приняли ее, не задав ни единого вопроса; здесь она могла залечить свое израненное, ожесточенное сердце, попросить совета, помолиться о даровании мужества, чтобы вновь взглянуть в лицо миру. Она написала родным и Эллен, вкратце объяснив, что случилось, и сопроводив объяснение просьбой ничего не предпринимать – не связываться с ней и не выяснять ее местонахождения, пока она не оправится от удара. Что до мужа, она просила его не искать. Если он ее любит, он к ней вернется. Если нет, она не желает его больше видеть.

Письма стали для семьи страшным ударом.

Мадам Бюссон, все еще находившаяся в Гамбурге, бродила как тень среди своих друзей-немцев, то и дело заявляя, что дочь ее оскорбили и предали, и немного успокоилась только тогда, когда получила записку от Аделаиды: в ней говорилось, что Луиза все-таки была обвенчана по всем правилам и доказательство тому – кольцо у нее на пальце; сверились с церковной книгой, расспросили пастора, и выяснилось, что, даже если муж Луизы – мерзавец и негодяй, она – действительно мадам Уоллес и честь ее не запятнана.

Роберт навел в Лондоне справки касательно семейства Уоллесов и выяснил, что сэр Томас – обедневший пожилой джентльмен, не обладавший в Шотландии никаким весом; он уже много лет не видел своего сына. Луи-Матюрен, который был потрясен до глубины души и винил себя за то, что поощрял ухаживания секретаря, помчался в Версаль и со слезами на глазах стал просить, чтобы ему позволили побеседовать с сестрой. Она согласилась. В небольшую

приемную она вышла очень бледная и сдержанная, но при виде брата самообладание последних недель покинуло ее, и она разрыдалась.

– Негодяй, мерзавец, я найду на него управу! – клялся брат, потрясая кулаками и изрыгая пламя, причем гнев его отчасти объяснялся тем, что сам он оказался ничуть не дальновиднее сестры: патент на его великое изобретение оставался несбыточной мечтой и влиятельные знакомства тоже.

Луиза твердо стояла на том, что не желает, чтобы ее мужа преследовали и выслеживали, однако события стремительно развивались своим чередом. Вскоре стало известно, что Годфри Уоллес разыскивается за кражу и мошенничество: он подделал в посольстве какие-то документы; словом, оказался обыкновенным мерзавцем.

Выяснилось, что и близкое знакомство с герцогом Палмелла было выдумкой; герцог прислал из Португалии письмо, в котором уверял, что почти не знает этого человека, они разве что один раз виделись в кафе. На свадьбу он попал только благодаря несказанной наглости, подкупив одного из швейцаров.

– Говорила я, зеленоглазым веры нет, – обратилась миссис Кларк к Эллен. – Если бы Луиза меня послушала, был бы у нее брачный договор и теперь она бы над ним посмеялась. Это надо же – выйти замуж без всяческих гарантий, а потом не получить с этого ни пенни – ей ведь даже и брачной ночи не досталось, – да уж, много у меня было в молодости занятных приключений, но, чтоб мне провалиться, до такого даже я не докатывалась!

– Я не верила ему с самого начала, – отозвалась Эллен. – Он как-то скользко смотрел из-под ресниц, мне это сразу же не понравилось, а кроме того, он все поглаживал бакенбарды своими тонкими пальцами – совершенно, на мой взгляд, отвратительная привычка.

– Ну уж и отвратительная! – возразила мать. – Может, он, конечно, и негодяй, но как и к чему приложить руки, он знал неплохо. Куда лучше, чем Луиза, уж это-то точно. Не устану повторять: точь-в-точь двойник Фолкстона. Эти зеленоглазые все пройдохи, но замашки у них очень занятные.

Она вздохнула, вспоминая, – рот у нее был набит леденцами, – а потом громко потребовала перо и бумагу и села писать к своему поверенному Фладгейту настойчиво и недвусмысленно интересуясь, чем объясняется такая недопустимая задержка с выплатой ее дивидендов от герцога Йоркского.

Бедняжка Луиза тем временем оставалась в монастыре и проводила большую часть времени на коленях перед распятием; и вот наконец, восьмого июля, тихая круглолицая монахиня принесла в ее голую келейку письмо.

Оно было написано четким размашистым почерком, который был ей так хорошо знаком. На штемпеле стояло «Кале». Луиза чуть помедлила; захлестнувшие ее чувства были почти непереносимы. Но потом она собралась с духом и взломала печать.

Прочитала она следующее:

*Ах, Луиза, твой несчастный муж наконец-то получил по заслугам. Я прибыл в Кале и, по требованию твоего брата Луи, был арестован и помещен в тюрьму за тяжкое преступление – **МОШЕННИЧЕСТВО** и оставление **ЖЕНЫ**. Каковы бы ни были мои прегрешения, на сей счет моя совесть чиста. Призываю в свидетели Господа: я не оставлял свою жену. Расставание наше было временным, мне нужно было укрыться от разоблачения в том, что я сбежал с чужими деньгами из-за проклятого карточного стола. Надежда добыть немного средств, дабы расплатиться с ранее сделанными долгами, толкнула меня на этот необдуманный поступок. Если Сердце твое не полностью глухо к призывам Жалости, напиши мне, ради всего святого, и попытайся употребить свое влияние на то, чтобы меня выпустили из этого кошмарного Узлища. Я готов терпеливо принять справедливые кары Закона*

и жить только ради той, которая когда-то меня любила и чей образ навеки запечатлен в моем сердце. Стоит сказать слово герцогу Палмелла – и я выйду на свободу, дражайшая моя Луиза, а потом я попытаюсь заглазить перед тобой свою Низменную вину. Прости своего некогда любимого супруга – или хотя бы сжался над ним! Напиши ему, что ты так же несчастна, как и он; после таких слов он будет готов принять Смерть или любое другое Наказание, которое назначит ему Закон.

Более писать не могу, хочу лишь еще раз молить тебя хотя бы об одной строчке.

*С неизменной любовью,
твой муж,
Годфри Уоллес*

«Он все еще любит меня, – такова была ее первая мысль. – Несмотря ни на что, он остался мне верен. Нужно только послать ему денег, и мы опять будем вместе. И моя замужняя жизнь перестанет быть пустым обманом».

В лихорадочном возбуждении она впервые за много недель сняла монастырское облачение и отправилась в Париж. Добравшись до квартирки на улице Люн, она выяснила, что мать только что вернулась из Гамбурга и собирается к ней в Версаль. Да, все оказалось правдой. Годфри Уоллеса обнаружили. Как раз в то самое утро пришло письмо от Луи-Матюрена. Сам он – в Кале, а мерзавец – в тюрьме по его заявлению.

– Его нужно немедленно вызволить! – вскричала Луиза. – Мне нестерпимо думать, как он страдает от позора в этом узилище. Времени писать в Португалию нет, хотя я убеждена, что Эжени не отказалась бы мне помочь. Нужно где-то раздобыть денег и немедленно ему отправить. Мой муж поступил опрометчиво, даже жестоко, я этого не отрицаю, но он по-прежнему любит меня и живет только надеждой на наше воссоединение.

Вновь она отказывалась внимать доводам разума. Здравый смысл матери-бретонки не проникал в ее сознание; она не желала, отказывалась слушать.

– Он предал тебя один раз, предаст и снова, – увещевала мадам Бюссон. – Ты поступаешь как умалишенная. Он никогда к тебе не вернется.

– Вернется! Обязательно вернется! – стояла на своем Луиза; ее лицо, обычно такое нежное, исказилось от сдавленного гнева и страшной тоски. – Его письмо доказывает, как он меня любит. Как только его освободят, он примчится ко мне.

Слепым кротом она бегала по узкому кружку своих друзей, вымаливая пять франков здесь, пять франков там – восемьдесят вложила миссис Кларк, которая, в неожиданном приступе щедрости, отдала Луизе для продажи свое кольцо с рубином, заявив при этом, что не в силах отказать столь безоглядно и трагически влюбленной женщине, даже если женщина эта – первая дура во всей Франции.

Деньги были собраны и высланы по назначению. От Луи-Матюрена прилетело протестующее письмо. Ответом стало послание Луизы с угрозой, что она сама приедет в Кале, если мужу ее тотчас же не вернут свободу. Потом молчание. Все ждали ответа. Луиза не спускала глаз с дверей материнской квартиры, ожидая с утра до ночи, что дверь распахнется и ее несчастный обожаемый супруг упадет ей в объятия.

Двадцать второго июля Аделаида, которая из окна высматривала почтальона, помчалась вниз к консьержу и вернулась с письмом, на котором стоял штемпель Кале. Луиза выхватила у сестры письмо, сорвала печать и прочитала вслух:

Невыразимая моя Луиза, я отплываю в Англию. Утром сегодня, 19-го числа, меня выпустили на свободу благодаря твоему заступничеству и присланным тобой деньгам; в три часа я навеки покину проклятый

французский берег. Не сомневайся в том, что я скоро избавлю тебя от всех твоих тревог. Я надеюсь в ближайшем будущем прижать к груди единственную мою любовь, и в самом скором времени ты получишь деньги, которых хватит на покрытие всех расходов. Твой бесконечно любящий Супруг думает лишь об одном – как обеспечить Счастье своей Ненаглядной Луизы. Ах, каких только мук я не натерпелся из-за тебя; чувства мои невозможно выразить никакими словами. Попытайся простить своего несчастного Супруга. Я напишу по приезде в Лондон и в самом скором времени добуду необходимые средства, дабы прижать к груди единственную мою любовь.

С вечной и искренней любовью, твой муж

Г. Уоллес

Присутствовавшие выслушали ее в молчании; закончив, Луиза перечитала послание про себя. После этого она подняла глаза и посмотрела на мать.

– Видишь, – выговорила она медленно, – он думает только о моем счастье. Через две-три недели он прийдет за мной, и я поеду в Англию.

Мать не ответила. Аделаида встала и тихонько выскользнула за дверь. Луиза так и осталась сидеть с письмом на коленях.

Она знала, что никогда больше не увидит Годфри Уоллеса.

По счастью, именно в этот момент пришло из Лиссабона письмо от Эжени де Палмелла, где говорилось, что в октябре она ждет ребенка и уверена, что не выдержит этого испытания, если рядом не будет ее ненаглядной Луизы. Мадам Уоллес решила незамедлительно отправиться в Португалию. Вдали от Парижа, где все напоминало о ее непутевом муже, она сможет хотя бы в какой-то мере вернуться к нормальной жизни, даровав нежность, которая переполняла ее сердце, Эжени и ее ребенку. Она решила, что сотворит больше добра, если станет служить другим, а не запрется в монастыре, хотя таково и было ее изначальное намерение. *«Не распорядись судьба иначе, – писала она своей подруге-герцогине, оповещая о своем приезде, – я могла бы сейчас находиться в том же счастливом положении, что и ты, и мы вместе предвкушали бы будущее материнство. Но быть этому не суждено, я теперь, по сути, вдова. А посему, дорогая Эжени, я хочу воспользоваться этой возможностью и посвятить себя тебе и твоей семье; можешь распорядиться мною, как тебе будет угодно. Если ты того пожелаешь, я стану нянькой, компаньонкой, гувернанткой и, глядя на то, в каком взаимном согласи живете ты и твой супруг, хотя бы до некоторой степени верну себе то, что утратила».* Итак, несчастная брошенная Луиза отправилась в Португалию; романтика ушла из ее жизни навсегда, недолговечное сияние безвозвратно угасло. Ей исполнилось тридцать пять лет, но выглядела она старше. В мягких золотистых волосах зазмеились белые нити, горестные складки легли у губ. Луи-Матюрен, которому было всего на несколько лет меньше, рядом с ней казался мальчишкой. При расставании Луиза поцеловала его с бесконечной нежностью; для нее он по-прежнему был ребенком, а то, что он сыграл не последнюю роль в ее злосчастном браке, стало для них скорее новой связующей нитью, чем преградой.

– Помни, я буду ждать новостей о твоих великих свершениях, – сказала она. – Мы с Эжени прочитаем о твоём изобретении, когда ты его усовершенствуешь, и все в Лиссабоне будут завидовать, что у меня такой знаменитый брат!

– Через десять лет мы будем летать на другие планеты, – проговорил он уверенно. – Покидаешь Лиссабон рано утром, а к чаю ты уже на Луне. Мне нужно еще несколько месяцев, и тогда мое изобретение изменит лицо мира. Жизнь станет настолько полнее, настолько богаче!.. Нам откроется вся Вселенная. Всего несколько месяцев, Луиза.

– Смотри не переутомись, не работай слишком много, милый.

– Переутомиться? Я никогда не утомляюсь! У меня неисчерпаемый запас энергии. Я пью эликсир самой жизни. И сейчас мне кажется, что я – один из богов.

Она улыбнулась в ответ на его нелепый энтузиазм; потом, когда она обняла его в последний раз, он шепнул ей на ухо:

– Если это не окажется совершенно некстати, может быть, ты упомянешь в разговоре со своим другом-герцогом, что твой брат вот-вот сделает великое открытие и оповестить об этом открытии весь мир ему мешает лишь прискорбное отсутствие средств. Если... герцог вдруг проявит заинтересованность, возможно, он... ну, ты понимаешь, Луиза... всего лишь намек... случайное словечко, оброненное в нужный момент...

Сестра его немедленно посерьезнела.

– Я не хочу создавать у Эжени впечатление, что дорожу ее дружбой только из-за высокого положения ее мужа, – произнесла она. – Я люблю ее за то, какая она есть, а не за титул или богатство.

– Конечно-конечно, – торопливо согласился Луи-Матюрен. – Я, разумеется, не имел ни малейшего намерения извлекать какую-либо выгоду из ее привязанности к тебе. Право слово, не имел. Кроме того, я слишком горд, чтобы принимать подачки. Никогда еще Бюссонны ни у кого ничего не вымаливали. Как я люблю повторять, *bon sang ne sait mentir*¹⁸. Нет, просто обидно сознавать, что, ссуди мне кто-либо несколько франков, я заработал бы целое состояние. Горстка монет из кармана аристократа, который даже не заметит их отсутствия, для меня означает разницу между славой и прозябанием. Мир и будущие поколения лишатся величайшего изобретения из-за какой-то там излишней щепетильности. Но – не важно. Может, даже лучше, что наука движется не вперед, а вспять... Мне-то какое до того дело?

– Тише, Луи. Не надо так кричать. Я вовсе не хотела задеть твою гордость. Если появится возможность заинтересовать герцога твоими планами, уверяю, я это сделаю. Ну, пусть это пока тебя и утешит.

И он тут же расцвел улыбкой; его глаза, точно глаза ребенка, не ведали стыда; и она увезла с собой в Португалию именно такой образ: он машет ей на прощание, высокий, худощавый – сплошные руки да ноги, – вздернутый нос, каштановые кудри, которые раздувает летний ветерок.

А тем временем миссис Кларк вела из квартирки в Отей переписку со своим поверенным Фладгейтом, пытаясь установить местонахождение мистера Годфри Уоллеса. Ее тешила мысль о том, что она все еще пользуется в Лондоне определенным влиянием и стоит ей разослать на задание своих соглядатаев (так она их называла), как они немедленно возьмут свежий след.

Она всегда обожала вмешиваться в чужую жизнь – доказательством служила ее прошлая карьера, – и теперь, удалившись от дел, которым посвятила лучшие годы своей жизни, – а бросить прежнее ремесло ее заставили возраст и увядание красоты – она получала несказанное наслаждение оттого, что принимала самое деятельное участие во всех неурядицах немногочисленных оставшихся у нее друзей: тут даст совет, там внесет предложение – в итоге она совала свой остренький любопытный нос во множество дел, не имевших к ней никакого касательства. Если не считать нескольких выболтанных тайн, исковерканных дружеств и одного-двух расстроенных браков, можно сказать, она не принесла особого вреда. Ее быстрая смекалка и острый язычок всегда оставались в распоряжении тех, кто в них совершенно не нуждался, так что жизнь ее на покое была, строго говоря, вовсе не так пуста, как могло показаться.

Несчастливая история Луизы Бюссон и ее беспардонного супруга – какова наглость, покинуть жену прямо в брачную ночь! – была как раз из тех, которые были миссис Кларк особенно по сердцу. Какие перед ней открывались возможности! В присутствии дочери она сострадала

¹⁸ Благородную кровь не обманешь (*фр.*).

несчастной невесте, умудренно качая головой и разглагольствуя, что бы она сама сделала на ее месте, однако в обществе джентльменов стиль повествования резко менялся, и история становилась – в те редкие вечера, когда в гостиной у нее собирались жалкие ошметки истлевшей аристократии, – *pièce de résistance*¹⁹ вечера. Престарелые маркизы и убежденные сединами графы, которым так похихикать не доводилось с тех времен, когда в коридорах Версаля сочиняли пасквилы на Марию-Антуанетту, потом плелись по домам, утирая со щек слезы веселья.

– Mais elle est épatante, cette Madame Clarke!²⁰ – пыхтели они, прижимая руки к бокам, вновь воображая себя молодыми повесами, разгулявшимися среди непристойностей восемнадцатого столетия; что же касается Мэри-Энн, густо нарумяненной, с накрашенными ресницами, – она молча тряслась от веселья, вспоминая, как замечательно удался вечер, как старина дю Круассан облил рубашку вином, а Ле Ремильи, икая, выплеснул суп на салфетку.

По счастью, Эллен сидела на другом конце стола, не замечала их поведения и не слышала пересудов. Бедняжка Луиза, ей просто чудовищно не повезло, но, с другой стороны, история с брачной ночью просто просится на язык, вздыхала Мэри-Энн, нахохотавшись до слез и размазав краску на ресницах; кроме того, именно в связи с этой историей их с Эллен пригласили на ужин к маркизу. В наше время так мало осталось веселых людей. Остроумие такая редкость. Все стали просто кошмарно чопорными, добропорядочными представителями среднего класса. Или, по-здешнему, буржуа. Она припоминала былые вечеринки на Парк-лейн и Глостер-плейс, разбитое стекло на полу, разлитое вино и как гостям оказывалось не под силу дойти до своих экипажей, приходилось кликать лакеев, чтобы донесли. Господи боже! Гаснущие свечи, доброе мясо, плавающее в соусе, красное вино, крепкие ароматы духов, бравые молодые офицеры с жаркими руками, несдержанные на язык, которые делали ей нескромные предложения в темных углах гостиной... И вот теперь она – пожилая дама за пятьдесят, ревматизм в левой ноге и ветерок под сердцем – вся так и затрепетала, когда дю Круассан уронил под стол платок и, нашаривая его, подлез ей под юбки и добрался до лодыжки.

Бедная Луиза понятия не имела, какое вызвала безудержное веселье. Миссис Кларк даже немного мучили угрызения совести, и она надела на несчастного мистера Фладгейта с требованиями продолжить поиски Луизиного супруга.

Он преуспел, пусть и отчасти. Прошел слух, что Уоллеса видели в Чатеме – он поступил на службу в Ост-Индскую компанию, однако на какую именно должность, выяснить не удалось.

Фладгейт получил распоряжение отправиться в Чатем, в головную контору компании, и расспросить там о беглом негоднике; судя по всему, он долго тянул с выполнением этого поручения; как бы то ни было, когда он все-таки добрался до Чатема, Уоллес уже исчез. В конце месяца из Грейвзенда в Индию ушло судно, и, судя по всему, Уоллес был на борту.

Гнаться за беглецом на Восток было не по силам даже миссис Кларк, и хотя она и отправила письмо сыну Джорджу, полк которого стоял в Индии, с требованием, чтобы он смотрел во все глаза, не появится ли в тех краях зеленоглазый молодой человек с бакенбардами, на особый успех рассчитывать не приходилось.

Луиза, которая шила в Португалии детское приданое и невольно сравнивала свою судьбу с судьбой Эжени, восприняла эти новости с относительной невозмутимостью. По крайней мере, Годфри жив и совершенно здоров. Если он решил скрыть свой позор в джунглях Индии, не в ее силах его остановить. Ей оставалось только молить Всевышнего, чтобы тот наставил несчастного на праведный путь и чтобы он раскаялся и избежал вечного проклятия.

Она написала брату, попросив зайти к миссис Кларк и поблагодарить ее за хлопоты, а заодно передать весточку Эллен. И вот в один из сентябрьских дней Луи-Матюрен отправился исполнять поручение, весьма, по его мнению, скучное – о Кларках он не знал почти ничего,

¹⁹ Гвоздем программы (*фр.*).

²⁰ Какая эпатажная дама эта мадам Кларк! (*фр.*)

помимо рассказов сестры, в памяти лишь сохранился смутный образ размалеванной, нелепо разодетой старухи на той злосчастной свадьбе. Что касается дочери, ее он не помнил вовсе.

Он добрался до места, и консьерж, сидевший в своей клетушке, сообщил ему, что мадам Кларк занимает квартиру на втором этаже.

Луи-Матюрен поднялся по узкой лестнице – мысли его были далеко-далеко – и вдруг услышал музыку, долетавшую с верхней площадки. Звук был приглушен, почти неслышен, точно ноты звучали во сне на зыбкой грани пробуждения. Он приостановился, вслушался, и музыка зазвучала отчетливее, явно на втором этаже; мягко звенела арфа, так нежно и неожиданно в этот скучный сентябрьский день. Кто-то исполнял «Серенаду» Шуберта. Станный выбор для арфиста, подумал Луи-Матюрен и замер с улыбкой на губах – ему хотелось понять, как неведомый исполнитель справится с подхватом-аккомпанементом, который следует за основной мелодией. Сам того не замечая, он начал напевать вполголоса и одновременно повернул дверную ручку, а когда дверь отворилась, бездумно шагнул в квартиру, не дождался, пока служанка его представит, – все его существо утонуло в жалостливой красоте «Серенады», его любимой мелодии, которая явилась ему столь неожиданно. То, что его не ждут, а с хозяйкой он не знаком, никак не смущало Луи-Матюрена – стоило ему услышать Шуберта, и он позабыл о всяческих условностях. Будто лунатик, он шагнул в салон, обнаружив наконец источник звука, а Эллен, сгорбившаяся над своим инструментом, случайно подняла глаза и увидела, что на нее надвигается некое видение – долговязое существо с мутными голубыми глазами и полыхающими кудрями – и поет «Серенаду» так, как ей никогда еще не доводилось слышать. Ее пальцы-волшебники дрогнули, замерли на миг, и в голове промелькнула мысль, что служанка, видимо, совсем лишилась ума – нельзя же пускать визитеров без доклада; незнакомец, однако, не заметил ее колебания, он уже плыл в потоке собственного пения и не вынырнул из него, когда смолкла ее музыка.

Тут и она прониклась тем же порывом, пав жертвой его завораживающего голоса, и, забыв об условностях и приличиях, столь милых ее строгой натуре, подхватила мелодию – теперь уже не он следовал за ней, а она за ним. Возникла идеальная гармония, в ней не было ни грана противостояния; сами того не ведая, они растворились друг в друге, повинувшись единому слепому инстинкту, сущность которого была обоим незнакома, бессознательно принося свои скромные таланты в дар Господу. Время как бы замерло на миг, не было ни прошлого, ни настоящего; необходимости в повседневных трудах, пище, досуге для них более не существовало. Мелкие огрехи их природы с них слетели, его лживость, позерство и непорядочность исчезли одновременно с ее ханжеством, нетерпимостью и гордыней. Они скинули бремя своих ничтожных грехов и остались нагими детьми перед лицом любви к прекрасному.

А потом мелодия завершилась. Последнее трепетание струн истаяло. Его голос сошел на шепот и смолк, волшебства не стало, остались лишь мужчина и женщина, глуповато улыбавшиеся друг дружке, – в самой глубине своих душ они успели заключить союз с незримым, союз, который уже не разорвать веки.

– Вы – Эллен Кларк, – произнес он. – Луиза мне никогда не говорила, что вы музыкантша. Сколько же часов я провел зря в неведении!

– Я видела вас на свадьбе, – вымолвила она, – но тогда вы выглядели совсем иначе, просто как другой человек. У меня не возникло желания с вами заговорить.

– Я очень рад, что мы именно вот так нашли друг друга, – произнес он. – Благодаря музыке отпала необходимость в нелепых официальных представлениях. Если бы я вошел в эту комнату следом за служанкой, я поклонился бы вам, передал послание от своей сестры, мы бы пять минут поболтали о пустяках, а потом я поклонился бы вновь, вы протянули бы мне руку и мы никогда бы больше не увиделись.

– Но раз уж оно так не случилось, что мы теперь будем делать? – спросила она.

– Ну как же! Мы будем вести разговоры о жизни и смерти и о том, как мы оба несчастны и почему не верим в Бога; о том, что Евклид – величайший из всех людей, а когда нам это надоест, вы снова сядете за инструмент, а я стану для вас петь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.